

Владимир Шкунденков

Какая-то неведомая сила...

**(Хроника событий на пути к созданию антропокосмического
метода динамического сжатия времени)**

**Петровский крест «Честь и слава России»
Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р.Державина
(Санкт-Петербург)**

Москва-2020

Шкунденков Владимир Николаевич
«КАКАЯ-ТО НЕВЕДОМАЯ СИЛА...»

(Хроника событий на пути к созданию антропокосмического метода динамического сжатия времени)

– М.: ИП Скороходов В.А., 2020. – 56 с.

Автор – доктор технических наук, директор международного Научного центра исследований и разработок информационных систем (CERN – JINR Collaboration).

CERN – Европейская организация ядерных исследований (ЦЕРН, Женева, Швейцария);
JINR – Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ, Дубна, Россия).

Автор также выступает со-руководителем с профессором-философом Владимиром Ивановичем Аршиновым Центра по исследованию проблем конвергенции естественно-научного и социогуманитарного знания (исследованию подхода с управлением сжатием времени) в Институте философии РАН (Москва),

является членом Российского Межрегионального Союза писателей (Санкт-Петербург), как выступающий по направлению «Философская литература»,

и членом Совета писателей России (Москва).

Автором создан основанный на конвергенции естественно-научного и гуманитарного знания метод сжатия времени, позволяющий сокращать на порядок и больше затраты времени и средств при выполнении сложных научных разработок и проектов. Внедренный в 1995 году в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева) в работы, связанные с созданием Большого адронного коллайдера, этот метод был развит с французом Николасом Кульбергом, помощником генерального директора ЦЕРНа по связям с Россией и Восточной Европой в 1994–2006 годах, до еще более эффективного метода динамического сжатия времени. В предлагаемой книге автор описывает пути, по которым он пришел к этим исследованиям. И утверждает, что его вела *какая-то неведомая сила...*

* * *

Метод динамического сжатия времени (Dynamical Time Compression) превзошел по эффективности подход Василия Леонтьева, американского экономиста, лауреата Нобелевской премии за 1973 год.

* * *

Исследования, связанные с созданием метода Dynamical Time Compression, были выполнены в стране *независимой* науки. На обращении к независимой науке с поиском талантов среди простого народа и последующей поддержкой их всей мощью государства было создано в кратчайшие сроки во второй половине 1930-х годов то оружие, с которым была одержана победа в Великой Отечественной войне. Приведенные в книге результаты подтверждают эффективность этого пути. И очень многое наводит на мысль о том, что эта победа была одержана при поддержке Вселенной.

К независимой науке, согласно исследованиям американцев, относится только 0,5 % ученых – от простых научных работников до академиков. Остальные представлены корпоративно организованной наукой, в основе которой положена коллективная оценка результатов научной деятельности ученого. Что накладывает на науку тень бизнеса. Этим раздвоением между истинной наукой и бизнесом грешит Российская академия наук, и это при том, что у России есть особый опыт СССР 1930-х годов.

* * *

Наш мир, похоже, стоит на пороге антропокосмической революции. Что означает поворот человека в сторону «духовности». Иначе – Красоты, как ее с большой буквы называл философ Платон. И в этом процессе России и русской культуре отводится особая роль.

Мария Шкунденкова «Если бы я был богом...» (М.: 2018. – 114 с.)

Введение. Антропокосмическая модель Вселенной

Основанный на Русской православной культуре метод динамического сжатия времени (Dynamical Time Compression) был создан в 2014 году в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева) в процессе участия автора в работах, связанных с созданием Большого адронного коллайдера (1996–2009 годы). Соавтор – француз Николас Кульберг.

Позволяющий сокращать затраты времени (сжимать время – на языке философии) в 10 и более раз при выполнении сложных научных разработок и проектов, метод опирается на созданную с участием специалистов Института философии РАН (Москва) – академика РАН Вячеслава Семеновича Стёпина, директора ИФ РАН в 1988–2006 годах, и профессора Владимира Ивановича Аршинова – антропокосмическую модель Вселенной. Согласно этой модели творческий процесс распределен между человеком и надбиологическим (термин В.С.Стёпина) еще не известным науке «духом-интеллектом». Причем дух является главным, а человек – ведомым им. На этом базируется «технология» управления сжатием времени.

В этой конструкции присутствует утверждение, высказываемое нами как гипотеза, о том что во Вселенной господствует женское начало – обозначенное еще Платоном в IV веке до н.э. как таинственная Красота. Эквивалент слову Бог, который представляет мужское начало и является порождением из «массы» (m) Красоты, что тоже заявляется как гипотеза.

К этому добавим еще наше представление о Красоте как о стремящейся к качественному и количественному наращиванию Ее «массы» – для чего и существует (создан Ею) человек.

И последнее – о Святой Троице. В ней слово Бог-Отец видится как Бог/Красота, где Красота выше Бога. И это от «нашего» Бога (как от Бога-Отца, представляющего у нас мужское начало) исходит та энергия, которая через Бога-Сына рождает при участии человека *новое слово*. [Это прежде всего культура протестантизма, с его культом Бога-Сына.] Эту энергию мы предлагаем не связывать с исходом Святого Духа. Возможно, это то, что известно в физике как темная энергия. А Святой Дух по нашей модели исходит от женской по природе Красоты [«Божественного Мрака» – по Псевдо-Дионисию Ареопагиту, одному из основателей православия, V век] и не несет энергию, а представляет собой темную материю, в которую погружается душа человека с ощущением ею достижения *красоты* на следующем этапе – при преобразовании уже рожденного слова в сторону к Красоте.

Здесь мы говорим о тех одиночках-первопроходцах, с которых начинается **всё**. А далее идет культура иудаизма, призванная не творить новое (это в иудаизме остановлено в IV веке), а отобрав *красоту* управлять остальным человечеством. Для чего нужны деньги и власть.

На управление в жизни властью, как это видится, направлена и культура ислама.

И еще нужно много людей, которыми можно управлять. Они тоже есть – это также мы с вами, мой русский читатель, если мы не заняты поисками «космической» *красоты*.

Сказать, что это плохо для нас, я не могу. Жизнь «внизу» во многих отношениях лучше, чем «наверху» – я говорю про судьбы первопроходцев на самом вершине. Другое дело, что «нарисованная» мной модель Вселенной не работает гармонично. Для этого существует вторая страсть – жадность как равноценная черта облеченных властью. Но другого варианта нет. Или еще нет. Человечество, похоже, находится еще на низком уровне его развития?

Делая такие заявления, мы выступаем с критикой существующих уже несколько тысячелетий монотеистических культур, представленных иудаизмом, христианством и исламом. Нашим доводом в защиту выдвинутой нами модели Вселенной, однако, является тот факт, что основанный на этой модели метод Dynamical Time Compression работает на практике.

Этот работающий на практике метод связан с Русской православной культурой, ориентированной на устремленность к поискам *красоты* на основе принципа *не делать ничего, что можно не делать* (как путь к *красоте*) при *абсолютной свободе духа человека в процессе творчества* (уходит в ортодоксальную Каббалу). Что обозначается как «русский космизм».

Хронике событий, которые привели к этим исследованиям и достигнутым результатам, основанным на конвергенции науки и гуманитарного знания, посвящается эта книга.

Мы с Николасом Кульбергом, помощником генерального директора ЦЕРНа по связям с Россией и Восточной Европой в 1994–2006 годах, сотрудничаем с Институтом философии РАН (ИФ РАН, Москва) с конца 1999 года. Без этого сотрудничества «вселенский» метод Dynamical Time Compression не появился бы. А вот мог бы он появиться в ИФ РАН без нас?

Однозначно – нет. Как все теоретики, не имеющие ответственности перед практикой, философы «слышат» голос Вселенной, но, опираясь на свой интеллект и на эрзац практики в виде корпоративной оценки, создают модели Вселенной ориентированные на человека. А надо – на *Красоту* во Вселенной. Но почему все-таки прогресс движется вперед?

Простого ответа на это нет. Как нет ответа на такой, например, вопрос как – если бы в России не случилась Октябрьская революция 1917 года (называйте ее переворотом), то могла бы Россия победить Германию в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов? Разве Россия побеждала всех и всегда? То же можно обсуждать и о роли Сталина, при всех жертвах во времени власти которого (мой отец был репрессирован 19 мая 1938 года) мы сегодня можем надеяться на то, что «победа будет за нами». Сталин служил Вселенной?

Начиная писать эту книгу, я не знал, как она будет написана. Как и про последние сталинские слова. И точно так же я никогда заранее не знал, что мной будет создан метод Dynamical Time Compression. Да еще на пути создания антропокосмической модели Вселенной, для чего мне, в некотором роде «простой дворняжке» (напомню про репрессированного отца), надо было попасть в 1969 году в ЦЕРН в Женеве и на этой волне создать лучший в мире сканер для прецизионной обработки фотоизображений, который позволит впервые в истории человечества исследовать в 2000 году изображение параллельного мира. Без чего создания антропокосмической модели *живой* Вселенной не произошло бы.

Как не получилось бы и нашего сотрудничества с Институтом философии РАН (Москва), если бы в Кремле в ноябре 1999 года не случился коррупционный скандал, после чего приехавшему для важной встречи там Николасу Кульбергу было предложено в качестве «компенсации» устроить встречу с директором ИФ РАН В.С.Стёпиным. И так далее.

Во всем этом было что-то такое, в чем просматривается некоторая закономерность?

Такое есть. И это оказалось лишь частично во власти человека, который должен вести себя по некоторым «правилам». В их основе – служить (подчиняясь «воле») Вселенной.

На поиск, как я теперь мог бы сказать, антропокосмических «правил» и будет направлен наш рассказ. Он не будет сплошной линией, а будет представлен отдельными зарисовками, которые должны передать дух (как самое главное в начале) ориентации на эти «правила».

Рассматривая с высоты прожитых мной лет, я отмечу на вскидку несколько странным образом нанизавшихся одно за другим на нить моей судьбы дополнивших друг друга событий (и это только малая их часть), что наводит на мысль про какую-то неведомую силу...

1945 год. Мне семь лет, я иду в первый класс. И беру обет молчания на 10 лет о том, что хочу закончить школу 10-летку с золотой медалью. (Я получу ее. И так попаду в Дубну.)

1964 год. Выиграв в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ, Дубна) конкурс на создание сканера для прецизионной обработки фотоизображений, мне, рядовому инженеру, предложили познакомиться с профессором М.Г.Мещеряковым. (В 1969 году он пошлет меня в ЦЕРН, после чего я создам лучший в мире сканер – АЭЛТ-2/160.)

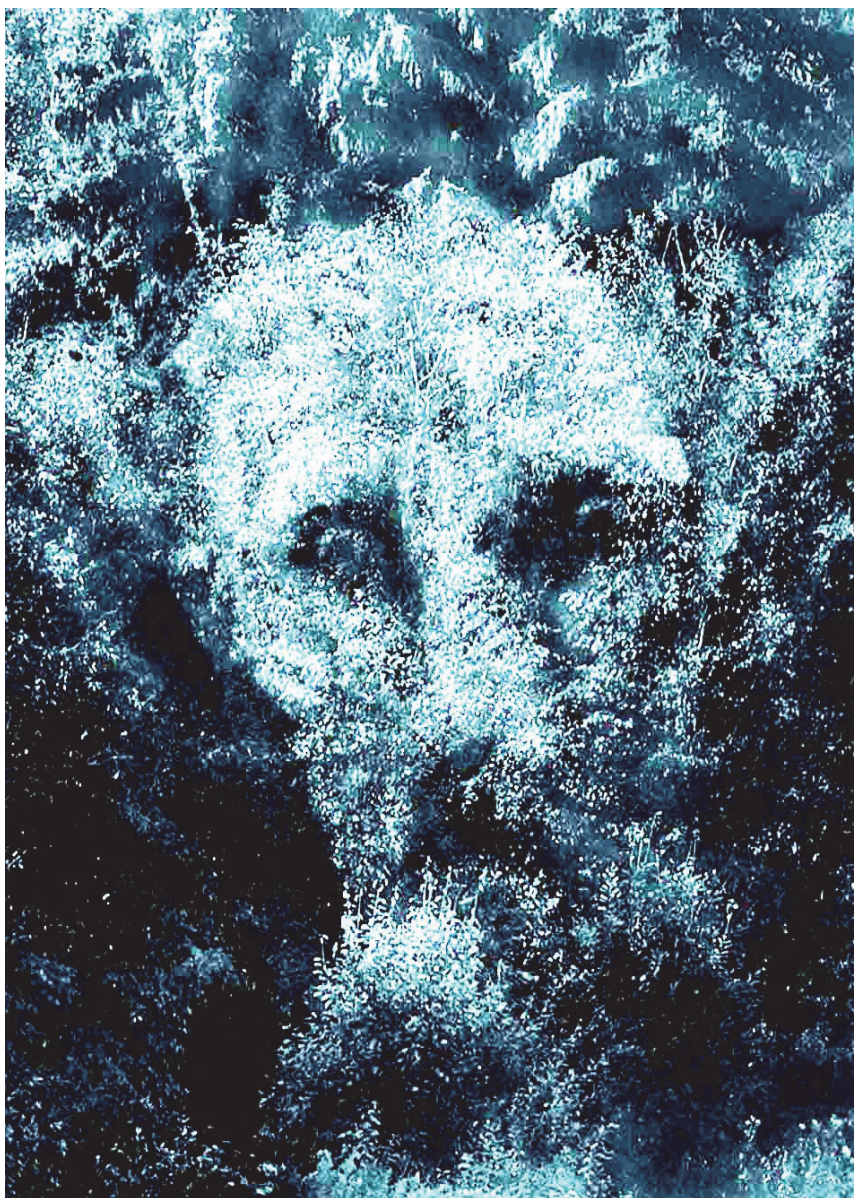
1973 год. После провала программистов-профессионалов с созданием в течение 5 лет программ для моего первого сканера АЭЛТ-1, М.Г.Мещеряков назначит меня, электронщика, быть программистом и даст неприемлемо короткий срок – менее года. Я даже хочу покончить с жизнью. Но вместо этого решаю *не спешить* и создаю метод сжатия времени (Time Compression) – я *увидел* его в течение 2-х минут в условиях стресса (конфликта с научной общественностью). И создаю программное обеспечение для АЭЛТ-1 за 2 месяца.

1995 год. Я внедряю метод Time Compression в ЦЕРНе. В 2014 году он стал методом Dynamical Time Compression. О нем мной с генеральным директором корпорации «СИНТЭК» (Москва) Михаилом Воробьевым передано письмо В.В.Путину, которое утонуло в Российской академии наук. Тогда я написал в 2017–2019 годах свою лучшую книгу «Лунный город».

В своих исканиях я, инженер-практик, через поиски *красоты* тоже служил Вселенной?

Хроника разрозненных событий на антропокосмической нити судьбы

(На пути к созданию метода динамического сжатия времени)

Параллельный мир.

Найденное на научной основе впервые в истории человечества энергетическое изображение параллельного мира (август 2004 года). На пути к достижению этих результатов автору потребовалось создать лучший в мире мониторный сканер – АЭЛТ-2/160 (1980 год). При том что в 1960-х – 1980-х годах над этой задачей работали в ~ 200 научных лабораториях мира. Но успех, связанный с созданием оригинальных и внедренных систем, сопутствовал только четырем из них. Три системы были созданы в ЦЕРН (Женева), две – в США и еще две были созданы автором – АЭЛТ-1 (1973 год) и указанная выше АЭЛТ-2/160. Первые исследования изображения параллельного мира были выполнены в 2000 году с применением автором его второго сканера. Приведенное здесь изображение было получено по «наводке» автора на место его предварительного исследования. Данное изображение было получено специалистом по обработке сложных фотоизображений Юрием Владимировичем Бабиным, преподавателем в Московском государственном университете культуры и искусства (МГУКИ, в настоящее время – МГИК), при участии дочери автора Марии Шкунденковой, тогда студентки МГУКИ. С применением результатов этих исследований автор в сотрудничестве со специалистами Института философии РАН (Москва) академиком РАН Вячеславом Семеновичем Стёпиным и профессором Владимиром Ивановичем Аршиновым создал антропокосмическую модель Вселенной, позволившую развить созданный автором в 1973 году метод сжатия времени (Time Compression) до метода динамического сжатия времени (Dynamical Time Compression).

Какая-то неведомая сила...

Я родился в Красноярске в 1938 году, 27 марта, по гороскопу – Тигр-Овен. Все, что про мой гороскоп написано, мне близко. Но не абсолютно все – именно это «не совсем все» есть то, что, как мне это видится, и привело моих рогатого Овна и полосатую Кошку к созданию метода Dynamical Time Compression в 2014 году, когда мне было уже 76 лет и я был участником работ по созданию в ЦЕРН (Женева) Большого адронного коллайдера.

Мой отец – Николай Михайлович Шкунденков (1913–1954 годы) работал машинистом на паровозе. 19 мая 1938 года отец был репрессирован («ежовщина») по «стандартному» по тем временам ложному доносу: он был объявлен японским шпионом. Во время «суда» отец выбросил друга-стукача в окно со второго этажа. Строил Комсомольск-на-Амуре, пошел в 1942 году в штрафбат, попал в партизаны и отличился там, после войны не знали – что с ним таким делать? Но время было такое, что его оставили в заключении. В январе 1953 года (еще при Сталине) он получил амнистию, а в августе 1954 года пришло известие о его реабилитации. Но он умер за 5 дней до этого.

Когда мне сказали об этом в семье его родной сестры Елены Михайловны Коротковой, сыгравшей важнейшую роль в моем воспитании («Ведь ты – русский!» – говорила она мне), когда мне было 16 лет, я не то чтобы не проявил горя, но не знал, что сказать... Меня в историю с моим отцом не посвящали. Возможно, берегли от чего-то. А поскольку в то послевоенное время отцов было мало у кого, то как-то все так и было – просто «никак».

Мой дед по отцу Михаил Фомич Шкунденков (1864–1946 годы) происходил из белорусов на Смоленщине. Отличился во время русско-японской войны 1904–1905 годов. Однажды они три дня отбивались от японцев до последнего патрона, потом бежали, скинув всю одежду, через болота. Поднялся от солдата до унтер-офицера, участвовал в защите Порт-Артура и попал в японский плен. У него были высокие солдатские награды – золотая медаль за битву при Ляояне и (что я не смог найти как подтверждение, но об этом говорили в семье) два солдатских Георгиевских креста. Японцы уважают таких героев. Дед был отправлен на пароходе с другими такими же русскими пленными в Одессу, получил по прибытии 5000 рублей золотом из царской казны и национальность – русский.

Как он женился на статной (так рассказывали) псковитянке Анне Ефимовне, я не знаю. В Одессе родилась в 1910 году моя тетя Елена (1910–1997 годы). Дед оказался «замешан» в связях с большевиками и за это выслан в Сибирь – в Новониколаевск (Новосибирск). Там на улице Красной у деда был построен дом, сейчас на этом месте стоит знаменитый театр. (Приезжая в Новосибирск, я выпивал в ресторане неподалеку «свои» 100 грамм.)

В 1913 году под Новосибирском в деревне Воробьево родился мой отец Николай, а немного позже – его брат Петр (погиб на войне от пули). Дед погиб в 1946 году в возрасте 82 лет во время схватки с бандитами (он служил сторожем) в подмосковной Коломне.

Теперь о линии моей матери – Евдокии Федоровны Кашковой (1915–1988 годы). Ее фамилия происходит от польской – Кавыль-Кашковской. Ее пра-прадед был шляхтичем, бежавшим в Россию во время восстания крестьян под предводительством генерала Тадеуша Костюшко в конце XVIII века. Осели на Южном Урале, там есть поселок (его можно найти на карте юга Башкирии) – Семено-Петровское. Перед Революцией дом деда Федора Семеновича (его отчество называю по названию поселка) был крепким хозяйством, он женился на Елене Васильевне Ананьевой, дочери соседнего помещика. Она умерла, когда моей маме было всего 4 года, выпив разгоряченная после езды на запряженной в лошадь подводе ковш ледяной воды. Мама окончила железнодорожный техникум в Чкалове (теперь это – Оренбург), поехала на практику в Красноярск и там встретила моего отца. Поженились в течение месяца. «Он был такой красивый в его черной форме!» – рассказывала мать про отца. Это был 1937 год, а в 1938 родился я. Тогда же, с мая 1938 года, мама стала «женой врага народа».

Из рассказа о моих корнях я могу сделать вывод о том, что ничего особенного в моем происхождении нет. А что касается судьбы моего отца, то тут – если мы будем исследовать путь к созданию метода Dynamical Time Compression – *ничто* имело место.

Я не скажу, что презираю сотрудников службы безопасности. У меня даже есть друзья из этой среды. Но *истинная наука* не допускает служения одновременно Богу и маммоне. Ибо слово Dynamical в методе сжатия времени означает перманентное (сплошное во времени) отслеживание нисходящих свыше настроений в творческом процессе. Что служение маммоне разрушает его на корню. Так что несчастная судьба моего отца, из-за которой я никогда не соглашался «становиться в строй» (просто не соглашался и все – без каких-то там убеждений, а просто склоняясь перед памятью об отце), безусловно, сыграла особую роль про обсуждаемый нами путь в науке.

А поскольку передо мной прошли десятки таких «двойных специалистов» в науке, мне довелось увидеть их жалкую никчемность как ученых. Всех и всегда. И наоборот – всегда и всех. Что не значит, что они не становились профессорами. Становились. И даже очень становились.

Так что меня через судьбу моего отца Бог миловал. И я даже утверждаю, что главное в науке не интеллект, а – отсутствие разрушающего творческий процесс взаимодействия человека с его надбиологическим (вне человека) «духом-интеллектом» служения чему бы и кому бы то ни было, что требует дисциплины и приоритета. Только тогда имеет место быть *абсолютная свобода духа*. Без чего наука «не совсем наука».

* * *

О моем отце у меня сохранилось только одно воспоминание. В день 1-го Мая в связи с праздником был накрыт стол. Отец берет меня (мне только что исполнился один месяц) на руки и входит из маленькой комнаты, в которой я лежал на кровати, в смежную большую, и я вижу накрытый белой скатертью длинный стол (два сдвинутых стола), за которым расположилась наша семья – трое взрослых мужчин (кроме деда – он жил в это время на севере в Игарке), три женщины и мой двоюродный брат 7-летний Юра Коротков.

Отец, его брат Петр и Юра (тогда еще мальчишка) были крепкими высокорослыми мужчинами. А Юра в будущем станет даже соперником знаменитого Льва Яшина, когда в московском «Динамо» в 1949 году будут подбирать замену вратарю Алексею Хомичу. Тогда на отборочном матче 18-летний Юра, стоявший на воротах студенческой сборной Москвы по футболу (клуб «Буревестник»), выйдет победителем в споре с 20-летним рабочим Львом Яшиным. Но уступит сам ему свое место. Как окажется – будущему лучшему вратарю в мире в XX веке. (Среди наших мужчин я со своим ростом в 181 см буду самым «маленьким».)

С высоты плеча моего отца я увидел тогда и запомнил длинный стол, на котором были уставлены тарелки с едой и какие-то бутылки. Больше отца я не помню.

Но очень хорошо помню наш деревянный двухэтажный дом на улице Богграда, дом 87. Наша квартира из двух смежных комнат (про кухню не помню) была на втором этаже, с выходом окон, на которых в горшках цвела герань, на улицу. Наверх из двора вела темная деревянная лестница. Когда отца арестовали и через месяц «осудили», маме пришла повестка явиться «куда надо». Что это означало, знали все – высылка в течение 24 часов за 100 километров от города. Куда – в тайгу? Да еще и с грудным ребенком?

Маму спас начальник военного стола, сказавший ей, чтобы она немедленно взяла отпуск на месяц и уехала из города. В надежде, что через месяц в ворохе подобных «дел» о ней просто забудут. Так все и произошло.

А когда она выходила из подъезда нашего дома со мной, завернутым в одеяло, к дому подошли два бравых мужика. «Здесь живет Шкуденкова?» – спросили они (нашу фамилию так часто искажают). Мама молча показала им пальцем на лестницу, ведущую на второй этаж. Они пошли наверх, а мы сбежали. И потом о ней и в самом деле забыли. На время.

Моя мама была красивой женщиной польских кровей. Нас тогда (ей было 23 года) спасла ее *красота*? Россию со всеми ее бедами спасает красота ее лучших в мире женщин?

Так или иначе, но слово *красота* войдет в метод Dynamical Time Compression. Красивыми могут быть, однако, не только женщины, но также поступки. Разве не был красивым смелый побег моей мамы от двух бравых мужиков? Красота, раз уже совершенная, не пропадает?

Красивое материализуется и сохраняется где-то? А потом воздействует на нас *оттуда*, направляя новые поступки все туда же – в сторону к Красоте? И с каждым разом все больше и больше – вплоть до привлечения ее (красоты) к науке? Здесь мы опять говорим про метод Dynamical Time Compression, в котором поиски *красоты* являются базовым принципом.

Но вернемся снова в Красноярск, где я, похоже, под влиянием моей мамы первый раз прикоснулся к *красоте*, когда, завернутый в одеяло и прижатый к ее сердцу, стал тоже невольным участником объегоривания бравых мужиков.

* * *

Осень 1941 года. Идет война. Мы с мамой живем уже не на улице Богграда, а на окраине, на берегу Енисея на улице, если судить по карте Красноярска в Интернете и моим воспоминаниям – о крае нашей улицы и идущей направо другой улицы, Ломоносова, дом 43. У нас совсем маленькая комнатенка в одноэтажном деревянном доме с двумя входами. Наш вход слева, из него попадаешь в полутемные сени. Слева наша комнатенка, в которой были две кровати, шкаф слева и печка-голландка с двумя конфорками справа, маленький квадратный столик у окна. Рядом с ним, сбоку – стул. Наверное был еще и второй стул. Больше ничего. Дверь закрывалась тяжелым железным ключом – я помню его. Однажды ночью мы угорели, мама проснулась, но двигаться уже не могла. Разбудила меня голосом и уговорила (я капризничал спросонья) доползти до двери и повернуть ключ. Я дополз, повернул (и тогда запомнил его), распахнул дверь...

Из сеней были входы в две другие комнаты, одна большая с двумя окнами с видом на текущий внизу под обрывом Енисей, и вторая поменьше, с одним окном во двор. В этих комнатах жили муж и жена, она была заведующей детским садом. Кто он – не знаю. Но запомнил именно его. Однажды, это был по ряду признаков октябрь 41-го, по висящему рядом со входом в нашу комнату круглому черному репродуктору (тогда такие были у всех) передавали вечерние последние известия, с перечислением оставленных в этот день нашей армией населенных пунктов. Мужчина и стоящая с ним его жена молча слушали, потом он что-то мрачно сказал и они ушли к себе в их маленькую комнату. На табуретке осталась забытая женщиной железная миска, наполненная до самого верха топленным маслом. Вернувшийся из своего детского сада я (мне было 3,5 года) был очень голоден. Так хотелось провести пальцем по маслу в миске и облизать его! Но я не стал это делать. Так был совершен мной мой первый красивый поступок, о котором помню до сих пор в мельчайших деталях.

Наверное, можно было попросить, раз уж я увидел, чуточку масла у хозяйки миски, но это для меня было абсолютно исключено. Даже мысли такой тогда не шевельнулось. Вообще с вопросом о просьбе к другим людям у меня самая настоящая неодолимая проблема. Правда, с единичными исключениями – когда речь шла о науке. Или о книгах.

* * *

Очень хорошо помню мой детский сад на улице Ленина, с окнами, выходящими во двор, за которым, отделенная простым забором-штакетником, была большая зеленая летом поляна. Запомнилось именно лето, это был 1943 год, время Курской битвы.

Все взрослые так переживали за исход этой битвы, что это передалось и нам (мне 5 лет). И когда в 20-х числах августа пришла победа, нам устроили праздник. В нашу комнату с двумя окнами принесли педальный автомобиль и дали всем прокатиться по одному разу.

Какое это было счастье! Вот тогда я не удержался и попросил прокатиться второй раз. Но мне отказали. Как и другим. Пережитые тогда горе со стыдом за просьбу тоже помню до сих пор. После чего старался никогда ничего не просить.

* * *

Октябрь 1967 года. Я создаю в Объединенном институте ядерных исследований (Дубна) мой первый сканер для массовой прецизионной обработки фотоизображений с трековых камер (до 100 000 снимков в одном физическом эксперименте), используемых как детекторы на ускорителях – тогда этим ускорителем был синхроциклотрон, созданный по инициативе Игоря Васильевича Курчатова под руководством его заместителя Михаила Григорьевича Мещерякова в Дубне в 1947–1949 годах (к 70-летию Сталина). М.Г. за успех с этой работой – синхроциклотрон стал лучшим в мире ускорителем – был избран членом-корреспондентом АН СССР и награжден двумя Сталинскими премиями.

Я демонстрирую М.Г. работу моего сканера (еще без программы распознавания измеряемых изображений на снимках с ядерными событиями – вокруг этой задачи развернется целая драма, которая закончится в 1973 году созданием мной метода сжатия времени). Он поздравляет меня со словами, что я внес в отечественную науку очень важный вклад, и говорит, что он приготовил мне сюрприз. Я могу попросить у него что-нибудь, но только одно. И он обещает выполнить эту мою просьбу. Но только одну!

Что тогда можно было попросить, было понятно – переезд из коммунальной квартиры в отдельную. И он, я уверен, приготовил для моей семьи (у меня были жена и дочь пяти лет) двухкомнатную квартиру. Но я просить отказался. Даже у М.Г.! И остался в коммуналке.

Понимаю, с каким презрением прочтут это некоторые из читателей этой книги. Но так было. А ровно через год, в октябре 1968 года, он потребовал от меня написать кандидатскую диссертацию. Я заартачился – так был увлечен своей работой по дальнейшему развитию сканера в направлении создания системы «человек–машина». Тогда он предложил научить меня, как написать такую диссертацию из полутора десятков параграфов всего за пару недель.

«Каждое утро начинайте с того, что пишете очередной параграф. Первое предложение пишется всегда, а второе – нет. Если не пишется, то занимайтесь своей текущей работой. Но если написалось, то бросайте все и пишите в этот день этот параграф до самого конца. Обязательно до самого конца! И так каждый день».

Через месяц моя кандидатская диссертация была готова. И в июне 1969 года я защитил ее. А в ноябре был уже в Женеве, куда М.Г. отправил меня на полугодовую стажировку по направлению моих работ – тогда в ЦЕРНе создавали ставшую лучшей в Западном мире сканирующую систему ERASME. За успешное участие в этой работе я получаю в 1973 году разрешение Госдепартамента США иметь доступ к закрытым для СССР технологиям.

В ЦЕРНе меня, «загадочного» русского, сделали руководителем группы из 4-х человек. Нашей задачей было создание блока динамической коррекции фокусировки и астигматизма электронного пучка в сканирующей электронно-лучевой трубке (ЭЛТ) для достижения разрешающей способности в 7000 линий (пикселей) на строке. (Отмечу, что современные лучшие телевизоры имеют менее 2000 пикселей.) Задача была сложная, и я решал ее так, как научил меня М.Г. Если какая-то часть не продвигалась вперед, я бросал работу и уезжал в город (ЦЕРН расположен на окраине Женевы), чтобы просто бродить по нему. А на следующее утро опять брался за решение этой части нашей задачи. И мы решили ее!

Решили, создав быстрый аналоговый управляющий компьютер, именно потому, что я не бился головой об стену со своим интеллектом в ней, а брал паузу, когда что-то не получалось. По поводу моих непонятных для моих немцев (их в группе было двое, участников войны, – Детмар Вискотт и Ханс Андерс) «прогулов», как мне было рассказано позже, даже было проведено закрытое совещание. Где приняли решение – ничего мне не говорить, а посмотреть – что у меня, русского, с ними получится? И ведь получилось!

А для меня этот опыт, начало которому положил М.Г., стал в будущем важнейшим шагом в создании метода Dynamical Time Compression. Где первым правилом в управлении сжатием времени при выполнении научных разработок стало – *не спешить*. Что отвечает, согласно антропокосмической модели Вселенной, пониманию того, что человек в процессе творчества – не главный. А главный – его дух-интеллект. Поэтому надо *не торопить время*. Его время.

* * *

В 1978 году я создал свой второй сканер – мониторный (об этом – ниже) АЭЛТ-2/160 и запустил его в эксплуатацию на обработке сложных фотоизображений с Магнитного искрового спектрометра, установленного на ускорителе в Институте физики высоких энергий (ИФВЭ, Протвино). В 1980 году сканер был развит до возможности измерять не просто черно-белые изображения (черные треки от ядерных событий на снимках), а – полутонные изображения. И стал лучшим в мире.

30 декабря 1980 года я подписал договор с Центральным аэрогидродинамическим институтом (ЦАГИ, Жуковский) на 5 лет на сумму полтора миллиона рублей для создания для них аналога сканера АЭЛТ-2/160.

Это была просто фантастическая сумма (скорее всего, я был тогда единственным в СССР, кто имел такой договор), позволяющая, например, создать свою научную лабораторию в каком-нибудь университете (тогда – вузе), где такая лаборатория требовала бы оплаты на уровне 50 000 рублей в год. То есть у меня было денег на 30 лет!

Получив в свои руки такие средства, я решил *не спешить*. Так в моей жизни был 1981 год, в котором я решил ничего не делать и просто ждать. В тот год я был награжден за создание сканера АЭЛТ-2/160 золотой медалью ВДНХ СССР. Но работой это считать нельзя.

И вот однажды, уже в декабре того 1981 года, в слякотный от мокрого снега под ногами вечер я вхожу в тяжелую наружную дверь моего (я окончил его в 1961 году) Московского энергетического института. А с другой стороны в эту дверь выходит заведующий кафедрой автоматики на факультете АВТФ МЭИ профессор Герман Карлович Круг. Мы с ним знакомы через моего друга профессора на его кафедре Виталия Павловича Бородюка.

«Как дела?» – протягивает руку, остановившись в дверях и перегородив проход, Г.К. Я отвечаю, что хочу создать научную лабораторию, заключив год назад договор с ЦАГИ на полтора миллиона рублей на пять лет. «Создай у меня!» – говорит Г.К. Я дал согласие.

Вот так. Через год у нас здесь появится программист экстра-класса Сергей Куняев.

Идею создания в МЭИ лаборатории на основе договора ОИЯИ (Дубна) – ЦАГИ (Жуковский) поддержал Президент АН СССР Анатолий Петрович Александров (в то время еще и директор Института атомной энергии им. И.В.Курчатова, с которым у нас были прямые отношения). Сканер в МЭИ для ЦАГИ будет создан в 1985 году, в 1987 году я защищу в МЭИ докторскую (технических наук) диссертацию и буду награжден в том же году высшей наградой ВДНХ СССР – Дипломом почета. В 1989 году по предложению Г.К. было принято решение избрать меня профессором. Заседание по этому вопросу было назначено в тот день на 14 часов, я пришел в 13, чтобы настроиться.

«Платить дальше будешь?» – задал мне вопрос мой друг Виталий Бородюк, с которым мы даже купили на двоих дом в славном городке Козельске. Лаборатория в МЭИ оплачивалась по 60 000 рублей в год, у меня в тот момент было 300 000 свободных средств. Так что проблемы здесь не было. Но вопрос был задан *почему-то* грубым деловым тоном. Словно я был лишь партнером по бизнесу. Я встал и ушел, отказавшись от профессорского звания.

Но в том же 1989 году М.Г.Мещеряков (напомню – бывший заместитель И.В.Курчатова) стал моим заместителем по руководству научной темой в ОИЯИ (Дубна). Зная про мои исследования по управлению сжатием времени, он сказал: «Где вы видели, Владимир Николаевич, чтобы это было уже открыто на Западе? А это значит, что вас не поймут никогда. И вы только получите лишних врагов. Но зачем вам это? Подумайте. Желаю успеха!». И предложил мне создать свой научный центр и стать в нем независимым от других директором.

Так я вместо профессора в МЭИ стал в декабре 1989 года директором Центра по обработке изображений при Президиуме АН СССР (такой путь был открыт тогда по «совету» Конгресса США). А моя жена Людмила *вдруг* захотела освоить (и освоила) бухгалтерию. И когда в марте 1994 года мы приехали в ЦЕРН для обсуждения сотрудничества, она написала с офицером ЦЕРНа по финансам меморандум по теме создания системы контроля финансов. Так мы получили работу в ЦЕРНе, в которую я внедрил в 1995 году метод сжатия времени. Чтобы стать в 2014 году методом Dynamical Time Compression.

Неужели нас ведет по жизни какая-то неведомая нам сила? Разрушая неглавное во имя чего-то главного, для чего ты был этой силой «избран»? Но как это можно узнать и поверить в это? Быть может, самой яркой по впечатлению на этом пути была в моей жизни история, произошедшая в декабре 1944 года, когда мы с мамой жили в белорусском городе Гродно.

В мае 1944 года мама завербовалась в железнодорожный отряд, который должен был восстанавливать движение поездов в 30 километрах от линии фронта нашей наступающей на Запад Красной армии. Это была операция «Багратион», по освобождению Белоруссии от немцев. Так в августе того 1944 года мы оказались в только что освобожденном Гродно.

В декабре в городском парке с протекающей в нем в овраге речкой Городничанкой хоронили погибшую при выполнении боевого задания летчицу-героиню гвардии капитана Ольгу Санфирову. (Ее имя и сведения о ней есть в Интернете.) И так получилось, что я оказался на этих похоронах. Погибшую 27-летнюю девушку привезли на запряженной в лошадь телеге. На подушке лежали ее ордена. После захоронения прогремел троекратный ружейный салют. Все стали постепенно расходиться. И только в кустах рыдал офицер. Эта картина произвела на меня, шестилетнего мальчишку, такое сильное впечатление, что я тоже захотел стать Героем Советского Союза. Но почти сразу пришла и мысль про то, что ради этого я бы не хотел умереть так рано.

А вслед за этим пришла совсем уже странная мысль – о том, что я непременно стану в жизни кем-то не ниже Героя. И даже было «обозначено» время – к 40 годам. Что уже не очень понравилось, так как это было очень далеко. Но мысль запомнилась.

И действительно, в возрасте 35 лет в 1973 году мной были созданы сканер АЭЛТ-1 и метод сжатия времени. А в 1978 году, когда мне было 40 лет и я внедрил в том году аналог сканера АЭЛТ-1 в филиале ЦАГИ в Москве на улице Радио для обработки 35-миллиметровых киноплёнок в «черных ящиках» на самолетах, с графиками полетной информации – скорости и высоты полетов и графиком перегрузки, мной была сделана первая публикация про метод сжатия времени. Что оказалось очень непросто.

Вся передовая научная общественность была против меня. (Как это можно сжимать время красотой в 10 раз? Да кто он такой?!) И пройти комиссию контроля за научными публикациями было делом безнадежным. Тогда я написал статью без упоминания метода сжатия времени, однако заложил в нее два листа как «никакие». Получив необходимые подписи комиссии, я подменил эти два листа на другие, с описанием метода и графиком с указанием на нем зависимости сжатия времени от красоты технических решений.

Председатель комиссии потом, когда публикация вышла, проводил расследование – кто мог допустить такое? Но все члены, поставившие свои подписи, только разводили руками. Ничего не понятно... Меня вызвали, но о чем спрашивать – не знали. У меня все работало.

Что бы это все могло означать? Нас «избирают» *свыше* для решения какой-то задачи? И у меня этой задачей с самого начала было – управление сжатием времени? Где я должен был вести себя так, как я себя вел?

Пусть кто-нибудь ответит на такие вопросы.

* * *

А тогда, в декабре 1944 года, я поверил в правильность пришедших ко мне мыслей. Теперь я бы сказал – *снизошедших*. Но я, как и все в то время в моем окружении, не был верующим, а чтобы прийти к вере мне потребуется не одно десятилетие.

Но в следующем 1945 году, когда в Гродно я пошел учиться в первый класс, мной был взят первый в моей жизни обет молчания на 10 лет – о том что хочу закончить учебу с золотой медалью. Это было во время награждения медалями окончивших школу в том 1945 году, когда Сталин в знак победы возвратил в школы медали. Их изготовили только к сентябрю, и нас первоклассников пригласили на торжество награждения.

Тогда я и взял этот обет. О том что он – религиозный, я даже не подозревал. Просто взял. И потом получил ее – золотую медаль, открывшую мне дорогу для учебы в Москве. Это было на провиденциальном пути к методу Dynamical Time Compression? А почему бы нет?

Хроника случайных событий

Красноярск, Гродно, Вильнюс, Уфа. 1941 – 1955 годы

Зима 1941–1942 годов. Мне идет четвертый год. Мы с мамой живем на окраине Красноярска в доме на улице Ломоносова. Я сижу в нашей комнатке у окошка. За окном снег. На снегу торчит кривое черное деревце. На нем сидит красногрудый красавец-снегирь. Я смотрю на него, сидя на стуле около окна. Передо мной столик со стоящей на нем настольной лампой без абажура – перегорела лампочка, и мама сняла абажур. Я вижу пустой патрон для ввинчивания в него лампочки и засовываю в него палец. Так меня первый раз в жизни бьет током. Да как бьет! Боль ужасная, что делать – я не знаю. Плачу и продолжаю смотреть в окно на снегиря. Успокаиваюсь немного, потом опять реву. Остальное уже не помню. Так состоялось мое знакомство с электричеством.

* * *

Май 1944 года. Красноярск. Я, шестилетний, во дворе нашего дома разговариваю с соседями из второго подъезда. И объясняю им, что мы с мамой скоро уедем из Красноярска на фронт для участия в восстановлении железной дороги вблизи продвигающейся линии фронта. О том, что немцы будут разбиты, знали, разумеется, все. Но меня все равно слушали и улыбались. У всех было хорошее настроение.

* * *

Июнь 1944 года. В сторону фронта нас везли в пассажирских вагонах. Как хорошо я помню эти зеленые вагоны со ступеньками перед тяжелыми дверьми! На некоторое время женщин с детьми поселили жить в какой-то деревне. Когда мы были в деревне, немецкие самолеты атаковали наш состав, и в наш вагон попала бомба.

В огороде дома в деревне, в которой мы жили, была вырыта так называемая «щель» – очень узкий окоп глубиной выше человеческого роста. В нем прятались во время бомбежек. Залезть в нее было интересно, и я залез.

И еще запомнились тучи комаров в вечернее время. Ходить по улице можно было только с «дымовой шашкой» – пустой консервной банкой с продырявленными боками, в которой горели то ли шишки от сосен, то ли щепка – уже не помню. Банку размахивали на привязанной к ней веревке, и комары действительно почти не кусали.

* * *

Июль 1944 года. Фронт продвинулся дальше на Запад, и мы были перемещены вслед за ним. Нас с мамой поселили в школе с разбитыми стеклами окон. Спать ложились около наружных стен, чтобы нас не могли достать осколки. Расположенная в двух километрах от железнодорожной станции, школа была рядом с проходящей на запад железной дорогой.

Однажды на нашем полустанке остановился эшелон с танками Т-34, стоящими на открытых платформах. Наклонная броня, пулемет, люк. И пушка. Я, естественно, верчусь около эшелона. Один танкист позвал меня и пригласил забраться через люк внутрь танка.

Внутри после яркого солнечного света было совершенно темно. Танкист шелкнул тумблером, и сбоку загорелась маленькая лампочка для карманного фонаря. Я попросил разрешения и тоже пощелкал тумблером. И вдруг на меня нашло...

Мне почудилось, что из этого танка мне не выбраться уже никогда! «Куда же ты?» – с какой-то тоской в голосе забеспокоился мальчишка-танкист, когда я стал рваться наружу. Но больше оставаться в танке из-за навалившегося на меня страха я не хотел.

В один из тех летних дней к одной из наших женщин приехал муж-офицер. Они бродили за железной дорогой на опушке леса, среди травы и росших в ней фиолетовых цветов на длинных ножках и много смеялись. На следующий день офицер уехал на фронт.

А в одну из ночей был налет немецкой авиации на железнодорожную станцию рядом с нами. Мама схватила меня сонного и понесла бегом в расположенный рядом оставшийся от немцев блиндаж. Но по пути в спешке у меня обронился не зашнурованный ботиночек.

Это была катастрофа! Мама плачет, ищет в темноте потерянный ботиночек (найдет его), но я от всего этого проснулся у нее на руках и увидел вспышки от взрывов бомб. Как оказалось, в ту ночь немцы бомбили эшелон с евреями. Кто-то донес о нем немцам и закрыл снаружи двери их вагонов-теплушек перед налетом бомбардировщиков. Выбраться из вагонов было нельзя. Поэтому было много жертв. Разговоры об этом были много дней, евреев очень жалели. Среди них были не только взрослые, но и дети.

* * *

16 июля 1944 года был освобожден город Гродно, и в августе мы поехали туда. На одном из полустанков нас атаковали на бреющем полете два истребителя «мессершмитт». Кто-то крикнул об этом. Я так захотел их увидеть! Но мама положила меня на пол и накрыла собой. Со стоявшего рядом воинского эшелона по ним строчил сдвоенный пулемет. Из-за этого немецкую стрельбу слышно не было. С нами ничего не случилось. Я только успел мельком увидеть, как строчит наш пулемет.

В Гродно на первых порах нас поселили на его окраинной улице Рабочая. Около нашего дома была большая голая площадка, на которой мы устраивали какие-то теперь уже забытые игры. Высоко в небе днем кружили немецкие самолеты-разведчики «рама», взлетая вверх или ныряя вниз, из-за чего звук то завывал, то совсем пропадал. По ним стреляли зенитки. В небе вспыхивали белые облачка разрывов зенитных снарядов. Но при нас ни один из разведчиков сбит не был. А вот осколки на нашу площадку падали.

Город Гродно был польским. Женщины-польки, у которых мы жили, сразу признали в маме польку, хотя говорить по-польски она не умела.

Через некоторое время в ее окружении появился офицер дядя Петя. Он был из тех войск, которые наводили порядок на освобожденной от немцев территории. Мне он запомнился как одетый в полинявшую зеленую гимнастерку.

Дядя Петя подарил мне солдатский компас и купил деревянный аэроплан с двумя моторами на крыльях. У моторов были пропеллеры, и если подуть на них, то они начинали вертеться. Дуть сильно и долго не получалось, и я придумал – опустить самолет в воду речки Городничанки. Нашел место около моста, где было мелко и вода бежала по камням быстро, опустил самолет в воду, и его пропеллеры завертелись с огромной скоростью.

Закрепив самолет в воде среди камней, я смотрел и смотрел на то, как он «летит». Это был самый настоящий восторг. А по сути – мой первый научный эксперимент. Тогда мне было около 6,5 лет. Но больше повторять этот опыт я уже не стал – слишком уж сложно было таскать самолет от дома, а потом тут же возвращаться с ним обратно. Вместо того чтобы оставаться, раз уж вышел из дома, для каких-нибудь очередных мальчишеских игр.

Однажды дядя Петя купил нам курицу. Это было самое настоящее богатство.

Скоро его вызвали на службу по какому-то оперативному делу. Через месяц маме пришла «похоронка» на него.

Где-то осенью нас переселили с улицы Рабочая в центр города, в двухэтажный каменный дом с одним балконом на пересечении современных улиц Карбышева (отсюда был вход в подъезд) и Социалистическая. Наша комната была в квартире без балкона на втором этаже, окно выходило во двор-колодец. Из этого дома я стал ходить в детский сад по улице с названием речки – Городничанка. Однажды я вял с собой подаренный дядей Петей компас, спрятался за дверью и сказал компасу: покажи, где наш дом. Но компас упорно показывал своей стрелкой с красным концом все в одну и ту же сторону. Я понял.

Тогда же я сделал свои первые шаги в чтении. Нам загадывали загадки по одной маленькой книжнице. Я взял ее и прочел, правда с большим трудом, свои первые строки: «Черен, но не ворон, рогат, но не бык!». Ответ был – жук, который был нарисован на картинке вверх ногами. Потом там было: «Еду-еду – следу нету, режу-режу – крови нет!» – Ответ: лодка на воде. Больше уже не помню. А книжку помню – маленькую, памятую, размером с ладонь.

Под Новый Год – а это был 1945-й! – мама принесла в нашу комнату настоящую зеленую елку. Ее поставили в угол, и я сделал за ней «медвежий уголок». Залез и спрятался. И мне стало так хорошо-хорошо! Но на следующий день это уже не повторилось. Разочарование мое было таким, что помню его до сих пор. В этом была какая-то тайна. Сегодня я знаю ее: счастье тоже *нисходит*. И всегда ненадолго. Если нет кого-то еще.

В ночь на Новый Год в нашей комнате собрались две женщины (мама и ее подруга) и два военных. Они пили вино, а мама пела, аккомпанируя на семиструнной гитаре: «Здесь идут проливные дожди, их мелодии с детства знакомы...».

Мне кто-то из военных тоже дал выпить немного красного вина – «За победу!». Я выпил, но потом мне было от этого плохо. Все же мне не было даже 7 лет.

День Победы я встречал больным. В марте мы с друзьями пошли в парк и там стали топить жердями подтаявший с краев лед в круглом фонтане. Моя жердь поскользнула, и я прямо в пальто упал в воду. После чего у меня развился ревматизм, который мучил многие годы. А тогда я больше месяца просидел больной дома, благо погода была почти все время солнечная и я мог сидеть на подоконнике на лестничной клетке – там светило солнце.

О Победе, которую все ждали, объявили, когда я уже спал. И мама тормозила и тормозила меня, заставляя подняться. «Ты должен это увидеть!» – говорила она.

Вся ночная улица сверкала огнями. Стреляли вверх из всех возможных видов оружия. Рядом на балконе офицер стрелял из пистолета ТТ. На следующий день он позвал меня, вытащил патроны из пистолета и дал мне пощелкать его курком.

Как пролетело лето 1945 года – почти не помню. Разве что запомнилась встреча со священником около русской церквушки. Я шел мимо нее, он в это время вышел из калитки в низеньком прозрачном от ветхости заборе и, встретив меня, остановил и погладил по голове. В церковь я никогда не заходил.

Но вот наступил сентябрь, когда я пошел учиться в первый класс. И взял тогда обет молчания на 10 лет о своем желании получить по окончании школы золотую медаль. О чем рассказано выше.

Наша школа была на нынешней площади Советская, в трехэтажном знаменитом здании, построенном в XVI веке для польского короля Стефана Батория (тогда я это не знал), который любил Гродно. Наш класс был в большой угловой комнате на верхнем 3-м этаже.

Помню фамилию моей первой учительницы – Маяковская. Первые четыре года учебы я был отличником, а потом что-то сломалось. Но в девятом классе влюбился в девочку из соседней школы, шедшую на золотую медаль (она поступит в МГУ на геологический факультет), и заставил себя в десятом классе тоже стать отличником. И получил свою золотую медаль.

1946 год. Гродно. Весной начался ремонт частично разрушенного во время войны дворца Стефана Батория, в котором находилась наша школа, и нас перевели в другую школу, которая была чуть ли не за чертой города. Туда шла обычная проселочная дорога (на самом деле это было недалеко, Гродно был маленьким городом), вдоль которой росли какие-то кусты.

В этих кустах стали прятаться местные ребята-поляки, поджидавшие нас, и когда мы проходили мимо, они начинали кидать в нас камнями. Мы быстро сориентировались, стали ходить в школу только группой, в середине которой шли девочки, а впереди и сзади – мы, мальчишки. Заранее запасались камнями. И если на нас нападали, то мы с криком «Ура!» разворачивались и шли в атаку на поляков. Они всегда убегали.

Однажды они заколотили входную дверь в школу огромным гвоздем, вытащить который оказалось непросто. Тогда мы выследили, где они живут, и, сделав рогатки, стали сами нападать на них. Стреляли из рогаток мелкими камнями. Они убегали, мы не пытались их догнать.

Но вот наступила осень 1946 года. В Гродно открылась детская музыкальная школа, и мама привела меня в нее для поступления. Ее мечта была сделать меня скрипачом (по поводу чего я сейчас абсолютно уверен, что ничего путного из этого не вышло бы). Нас принял сам директор, музыкант-трубач, и увидев меня сразу заявил, что я – прирожденный трубач. И ни в какую не хотел принимать меня на скрипку. «Только труба!».

Мама должна была согласиться против своей воли, но в этом согласии была хитрость. Все начинающие учиться в музшколе первые три месяца проходили учебу на фортепиано. И я, принятый на трубу, начал проходить этот начальный курс обучения. Но уже через два месяца мы уезжали из Гродно в Вильнюс, куда переходило управление железной дороги, в котором работала мама. Так я не стал трубачом. А почему не получилось с «маминой» скрипкой, просто не знаю. И как начал учиться играть на фортепиано, так и продолжил, закончив со временем (уже в 1955 году, когда сражался еще и за золотую медаль) школу-семилетку.

* * *

Итак осень 1946 года. Вильнюс. Мы проживем в этом враждебно настроенном против русских городе до осени 1949 года, когда маме удастся буквально сбежать оттуда туда, где к нам, русским, относились нормально – в Уфу. Но именно в Вильнюсе, где я учился в железнодорожной школе на улице Шопена (мы жили в соседнем доме № 4, квартира 7, имея две смежных комнаты с облицованной кафелем печкой в двухкомнатной квартире), я получил первый практический опыт, приведший меня со временем на путь инженера.

В нашем втором классе 2-й А учились вместе мальчики и девочки. Я помню моих главных друзей – Леню Москвитина, Ивана Андреева и Валерку Никитина по прозвищу «спичка» за его тощую фигуру. Из девочек помню имя Оли Зайцевой – первой девочки, которая мне понравилась. И еще помню имя одного мальчишки – Кузнецова, который много раз лез ко мне драться.

Я был самый крупный и сильный, но во мне не было стремления быть над другими. Скорее мне нравилась независимость от других, а дружбу я всегда воспринимал на равных. Так было и с крепкими Леней и Иваном, и так же было с хилым Валеркой-«спичкой». Но Кузнецову, который был меньше меня, я чем-то мешал. И он мог безо всякой причины и предупреждения ударить меня во время перемены. И тут же бросался продолжать драку.

Почему-то я сразу понял жалкую сущность Кузнецова. Стоя в проходе между рядами парт, я не мог маневрировать. И просто прикрывался от его ударов спереди. И ждал. А ждал я момент, когда он, не добившись сразу победы, вдруг начнет сомневаться. И чуть-чуть притихать. Тогда я шел вперед на него и бил его своими длинными сильными руками и ногами. Бил до тех пор, пока он не начинал плакать. Так что же ты лез на меня снова, если можешь плакать? Понять его я не мог ни тогда ни сейчас. Класс смотрел на наши драки молча.

Самым голодным для нас был 1947 год, когда прекратилась продовольственная помощь из Америки. Мама взяла за городом три сотки земли, и мы посадили там картошку. Несколько раз ходили туда, чтобы окучивать ее. И какой получился урожай! Мы собрали семь мешков картошки, что было даже не съесть. Но одной картошкой сыт не будешь. И мама стала ездить по своему бесплатному железнодорожному билету в Калининград, где можно было купить копченую треску и рыбий жир. Потом я продавал треску на рынке по более высокой цене, чтобы это окупило стоимость полулитровой бутылки рыбьего жира. Если подходила богатая с виду тетка, я поднимал цену. Жизнь наладилась.

Летом в тот год я был отправлен в пионерский лагерь на берег Балтийского моря недалеко от Клайпеды, с названием – Гируляй. В расположенном среди сосен лагере тоже было очень голодно. Однажды мы с кем-то из моих товарищей попросили у рыбаков, привозивших улов рыбы на небольших лодках, дать нам несколько рыбин. Они дали. Я тут же вцепился зубами в сырую рыбу, но это оказалось настолько невкусно, что от такого «удовольствия» пришлось отказаться. Мы отнесли нашу рыбу на кухню и попросили повара поджарить ее. Он взялся. А когда мы пришли к нему через полчаса, то он сказал, что не помнит, чтобы ему давали рыбу. Повар был из местных. Но и рыбаки тоже.

В сентябре того 1947 года я поступил учиться в музыкальную школу по классу фортепиано. При поступлении надо было выдержать проверку на слух. Мама достала где-то клетчатый костюмчик и привела меня в музшколу на эту проверку. Видимо, я выглядел как представитель местной элиты, и ко мне обратились на литовском языке. Но я сказал, что я – русский. Что-то сразу изменилось, как будто потускнел свет, но меня приняли.

Мама купила за бесценок трофейное пианино желто-шоколадного цвета, и я стал посещать ненавистные мне занятия в музыкалке. Где за плохую игру били карандашом по пальцам.

Дорога туда шла в двух вариантах. Можно было пойти по одной или по другой, перед школой они сходились, расстояния были одинаковыми. Но я каждый раз выбирал – по какой из этих дорог пойти? Ведь если я пойду не по этой, а по той, то увижу другие дома и других людей. И поэтому у меня и мысли будут пусть даже немного, но другими. Не означает ли это, что в результате и судьба у меня может быть разной – в зависимости от того, какую дорогу я выберу сейчас? И это очень мучило меня...

В декабре произошла денежная реформа. Зная о ней, люди в последние дни буквально хватали все, что попадало под руку. Мама разрешила мне продать несколько тазиков нашей картошки. Ее моментально раскупили по повышенной мной в два раза цене, и на вырученные деньги мне был куплен детский конструктор из линеек с дырками, колесиков, винтиков и прочего. Это было такое счастье! Я стал собирать разные машины, но очень скоро понял, что это мне не интересно. Ну, собрал. Ну, а дальше что?

Перелом произошел в следующем, 1948 году, когда мне исполнилось 10 лет. Уже не помню каким путем, ко мне попала книжка о том, как сделать электрический звонок. Очень даже возможно, что это было представлено в купленном мне конструкторе. Иначе где бы я достал блестящий серебром купол колокола, по которому должен стучать молоточек?

Собрал схему. Подключил батарейку от карманного фонаря. И мой звонок зазвенел! Пожалуй, это было одно из самых ярких событий во всей моей жизни.

У моего главного друга Лени Москвитина (в будущем он станет военным) была полная семья, включая отца и мать. И у них был деревянный дом, рядом с которым располагалась свалка из «внутренностей» разбитой немецкой техники. В том числе – раций. Мы копались в этом богатстве и находили катушки с намотанной на них блестящей золотом проволокой, переменные конденсаторы и даже наушники. С этого началась моя по-настоящему новая жизнь – мы стали мастерить детекторные радиоприемники. Кто-то научил нас самим изготавливать полупроводники, выковыривая серу в вывороченных креплениях лестничных перил в разбитых бомбами домов, которую мы растворяли в расплавленном свинце. И потом в этот сделанный нашими руками полупроводниковый кристалл надо было тыкать иголкой в поисках активной точки. Объяснять устройство таких приемников я здесь не буду. Только скажу, что это были просто завораживающие впечатления, когда ты наткнулся на точку, в которой появляется шум в наушниках, а затем, осторожно вращая пластины конденсатора, поймал настройку на волну какой-либо радиостанции, – это была уже не какая-то там детская игрушка из конструктора, а самое настоящее чудо, возвышающее тебя чуть ли не до самого Бога! Хотя про Бога мы не думали.

Отец Лени Москвитина был рабочим в железнодорожном депо. У него была возможность тырить там оцинкованные железные листы, и он делал из них тазики для бани на продажу. Продавали на рынке мы с Леной. Очень трудно было выкрикнуть первый раз: «Кому тазики!» После чего становилось легко. Тазики покупали, мы приносили домой деньги. Мне не раз за это доставался кусок хлеба с намазанным на него повидлом или даже тарелка борща.

Лёнин отец также мастерил для нас самокаты на гремящих подшипниках. И мы гоняли на них по улицам, но только не в центре города – уж очень они гремели. А зимой он делал нам из толстой проволоки драндулеты – два полозья и изогнутая до уровня груди рукоятка-руль.

В возрасте 10 лет я научился плавать. Но пока учился, чуть не утонул. Я уже мог проплыть метров десять, но не в два раза больше. И однажды на реке Нерис в районе одного пляжа я проплыл свои 10 метров, причем плыл параллельно с берегом на небольшой глубине, однако когда захотел встать на дно, то его не оказалось. И я стал тонуть. Вокруг много людей, но у меня перехватило горло, я не могу издать ни звука. Мимо меня проходил по горло в воде здоровенный молодой парень, который нес на руках смеющуюся девушку. Это была моя последняя надежда. Как я проплыл отделявшие нас 10–20 сантиметров, понять не могу. Но дотянулся и схватился за резинку его трусов. Он страшно удивился, оглянулся, все понял и выбросил меня, как котенка, в сторону берега, где я уже мог найти дно.

Ну и не могу не отметить, что, как и везде, мы много играли в войну. Прятались в развалинах разбитых во время войны домов и крадучись двигались, две команды, навстречу друг другу. Кто первый увидит своего «врага» и выстрелит в него тихим голосом (типа «пах!»), тот убил. Когда в одной из команд все будут «убить», сражение заканчивалось.

В 1949 году произошла очередная реорганизация железных дорог, и мама смогла уехать из Вильнюса. Было два варианта – Куйбышев (Самара) и Уфа. Мы выбрали Уфу, куда переехала из Красноярска семья родной сестры моего отца – Елены Михайловны, которая к тому же была директором лучшей в Уфе женской школы № 3 на улице Пушкина. Что должно было сыграть (и сыграло) важную роль в нашей жизни.

В октябре 1949 года мы переехали жить в Уфу. Мне было 11,5 лет. Маме – 34 года. Первое время мы поселились в директорской квартире Елены Михайловны, в деревянном одноэтажном доме во дворе школы. При доме был небольшой сад, в нем – холодный туалет. Вдоль дорожки в туалет росли роскошные цветы. Крупные, красные, на высоких ножках. В общем все, как, наверное, было в России в провинции еще до Революции.

Но жили мы в этом доме не очень долго, кажется, до конца того 1949 года. Мама нашла квартиру для съема на улице Ленина, дом № 68 (сейчас его уже нет), построенном в 1909 году, о чем было написано на прибитой к дому медной пластине страховой компании.

Это был очень добротный одноэтажный деревянный дом, торцом выходящий на улицу. С этой стороны у него было четыре окна. Это была одна из двух главных квартир в доме. Вторая главная была с другого торца, выходящая окнами во двор, который использовался как огород – у нас в нем была своя небольшая грядка, на которой мама высаживала редиску. Эта вторая квартира имела входную лестницу из двора (площадка двора была с наклоном), и под ней была еще одна квартира, с окнами наполовину ниже уровня земли. В середине дома с выходом вбок была наша маленькая однокомнатная квартира, в которую после двери на уровне земли вели несколько деревянных ступенек, справа была летняя комнатка с одним окном, а прямо – зимняя дверь в кухню с печкой и из нее – в узкую длинную комнату с одним окном на другую боковую сторону дома. В метре от окна был забор, за ним сад и в дальнем углу деревянный одноэтажный дом.

Вход во двор был через закрытые изнутри резные деревянные ворота и встроенную в ворота тяжелую дверь-калитку. Туалет был во дворе, холодный. На нем был сложный навесной замок, чтобы прохожие с улицы не могли им воспользоваться. Он был всегда идеально чистый, предназначенный для всех четырех квартир в доме. И еще был длинный низкий сарай напротив входа в нашу квартиру, в котором хранились уголь и дрова для печки.

Вода была в колонке, за целый квартал от дома. Я научился пользоваться коромыслом.

В этой квартире на улице Ленина мы проживем больше двух лет. Потом маме дадут комнату от места ее работы (управления железной дороги) в новом двухэтажном деревянном доме на окраине Уфы, на улице Владивостокская. А в 1954 году нам дадут уже комнату в трехкомнатной квартире на третьем этаже в новом каменном доме на улице Карла Маркса, напротив парка имени Ивана Якутова (с дыркой в заборе около дома).

Оттуда я уеду в 1955 году в Москву, поступив учиться на Радиотехнический факультет Московского энергетического института.

В Уфе были две главные школы – женская № 3 на улице Пушкина, где директором была моя тетя, и № 11, мужская, на улице Ленина. Одиннадцатая, как ее называли, была основана еще в 1828 году, попасть в нее было практически невозможно. (В XIX веке в ней учился художник Михаил Нестеров, чьи картины я позже видел в Третьяковской галерее.) К тому же мы приехали в Уфу в октябре, когда все уже было сформировано и работало. Но моя тетя договорилась с директором Одиннадцатой школы, Петром Александровичем Железновым, и я был принят 33-м учеником в 5-й А класс. Всего в школе на каждом уровне было по пять таких переполненных учениками классов.

Меня посадили на задней парте с мальчиком со странным именем – Юра Книга. Потом он женится на моей двоюродной сестре Людмиле, и у них родится сын, которого назовут в честь меня – Владимиром. Но главным моим другом в школе вскоре станет Юра Никитин.

Наверное, в классе поняли, что меня приняли по блату. И в первую же перемену я получил удар по голове портфелем от одного коротышки-шибздика. Таких обычно выставляют на затравку. А главный смотрит и уже потом принимает «нужное» решение. Если сделать неправильный шаг, то последствия могут быть самые непредсказуемые...

Не могу сказать, что я все это тогда взвешивал. А просто развернулся и врезал шибздику по башке – как это делал в драках с Кузнецовым в Вильнюсе. Он сник и удалился. Теперь надо было ждать какого-то продолжения. Но его не произошло. Я был принят.

Учебу в музыкальной школе в год нашего переезда в Уфу пришлось пропустить, правда, я некоторое время ходил к одной частной учительнице. Я возобновил ее (учебу) только в следующем году, 1950-м. На уроках сольфеджио было около 20 девочек и только 5 мальчиков. Я сразу влюбился в девочку-блондинку на год младше меня Лору Пономаренко. Сидя на уроках в главной школе, нацарапал кончиком ножа ее имя Лора на моей белой пластмассовой перьевой ручке – тогда мы писали, макая перья в чернильницы. (Я сделал было авторучку на основе пипетки с чернилами, но из этого ничего не вышло.)

Музыкальная школа была в красивом двухэтажном доме на улице Пушкина. Занятия по сольфеджио проходили в помещении на первом этаже. В окна иногда заглядывали на наших девочек соседские мальчишки. Среди девчачьей стаи выделялась красотой татарка Адель Тайчинова, с обвитой вокруг головы роскошной косой. Я смотрел на нее и думал: почему я не влюбляюсь в нее? А о ней сходили с ума. (Когда мне исполнилось 70 лет, мы встретились в Москве у когда-то влюбленного в нее моего школьного товарища Льва Шерстенникова, ставшего фотокорреспондентом в журнале «Огонек», где он проработал 47 лет.)

Как и в Вильнюсе, я не любил учиться музыке. Но мама настаивала. И теперь я рад этому. Но пианино у нас отсутствовало, и я ходил разучивать домашние задания для игры на нем в дом моей тети Елены Михайловны, которая в это время переехала со своей семьей (она, муж Борис Вениаминович и моя двоюродная сестра Людмила) в квартиру на улице Октябрьской революции. (Мой двоюродный брат Юра из этой семьи в это время учился в Московском энергетическом институте.) В их доме меня всегда кормили.

Моей учительницей игры на фортепиано была красивая молодая женщина лет тридцати с небольшим. У нее был муж офицер. Он жили в двухэтажном доме в одной из небольших улочек за главным универмагом на улице Карла Маркса. Их квартира была на втором этаже. В большой комнате с открытым настежь в хорошую погоду балконом, за которым был сад, стоял рояль, занимая большую часть этой комнаты. Она была неизменно ласкова ко мне, троешнику и двоешнику. А я каждый раз шел на эти уроки, как на голгофу. А иногда пропускал просто так одно из двух положенных занятий в неделю. Она принимала это молча.

Когда я по-настоящему влюбился весной 1954 года в другую девочку, тоже татарку красавицу Аду Тимашеву, то под нахлынувшие на меня настроения стал играть на пианино в доме моей тети иногда даже по пять часов подряд. Но это не были занудные учебные задания типа музыки Гайдна и еще кого-то, кого уже и не помню, а были Моцарт, Бетховен («Аппассионата») и Шопен («Седьмой вальс»). И когда весной 1955 года сдавал экзамен на получение аттестата об окончании 7-летней музыкальной школы, то решил показать класс! Взял темп игры на грани возможного и... сбился. И получил тройку.

Но главным для меня в Уфе стал спорт. Моя тетя Елена Михайловна подарила мне лыжи, обнаруженные в подвале среди хлама в руководимой ею школе № 3. И я стал кататься на них во дворе дома на улице Ленина, привязывая их к валенкам. Вперед около 20 метров и назад – так кругами я наматывал в зимние вечера во времени по целому часу. В дальнем конце двора был двухэтажный кирпичный дом, его светящиеся окна разгоняли темноту. И я кружил и кружил. Даже если на дворе было тридцать градусов мороза. Луна, мороз – страшно!..

И когда в 1952 году (мне шел 14-й год) в нашей школе были устроены соревнования по лыжам, то я оказался победителем. Тогда учитель физкультуры уговорил меня записаться в лыжную секцию на стадионе «Динамо». Руководил секцией необыкновенно симпатичный еврей Александр Адольфович Книсс. Невысокий, рыжеватый, всегда легкий и даже веселый. Ему было около 35 лет. Нас немного смущало его отчество – от Адольф, как у Гитлера.

В 1954 году я уже вошел в четверку лучших лыжников-школьников Уфы. То есть стал членом сборной города. И тогда же меня уговорили, когда пришло лето, попробовать себя в гребле. На первых же соревнованиях я прошел на шлюпке-одиночке один километр с поворотом вокруг бакена за 7 минут 19 секунд, когда другие новички не смогли выйти и из 8 минут.

Через год, в 1955 году (мне 17 лет), я стану претендентом на место чемпиона России по двум видам – на шлюпке-двойке и на байдарке-двойке. Но соревнования проходили в начале июля в Ростове-на-Дону, а у меня была золотая медаль по окончании школы-десятилетки и я мог поехать с ней в это же время поступать в какой-нибудь вуз в Москву. Я выбрал Москву и поступил учиться на Радиотехнический факультет Московского энергетического института.

А наши ребята на шлюпке-двойке стали чемпионами России. Мой напарник по байдарке-двойке пересел на одиночку и стал серебряным призером. И тут я вернулся из Москвы в Уфу.

Как известно, «везунчиков» везде любят не очень. Так пошли слухи, что самый лучший на шлюпке это все же я. Дело дошло до того, что тренеру пришлось устроить гонку между главным чемпионом (загребным в шлюпке-двойке) и мной. Дистанция все та же – один километр, с поворотом вокруг бакена.

Посмотреть этот бой двух гладиаторов пришло много народа. Я показал свой лучший результат – 7 минут 12 секунд. Но все равно проиграл. Победитель – его имя помню до сих пор: Жаворонков – прошел километр за 6 минут 45 секунд.

Я сражался в этой битве так, что на моих отвыкших за месяц отсутствия в лодке разнеженных руках даже выступила кровь. Но проиграл... У Жаворонкова, правда, были другие весла, подаренные ему как чемпиону – более длинные, красивого золотистого цвета. Он постригся наголо и ходил по центральным улицам, Ленина и Пушкина, с веслами на плечах.

В Ростове-на-Дону команда Уфы заняла в общем зачете третье место. Первое взяли ростовчане, второе – ленинградцы. А москвичи «застряли» на четвертом месте. Наши выиграли мужскую эстафету, и три гребца получили звание мастера спорта. Три девчонки стали перворазрядницами. Уфа была на высоте.

В августе тренер объявил, что мы должны сделать своего рода марш-бросок против течения по реке Белой на расстояние 11 километров – от водной станции «Динамо» до деревни Чесноковки. Я шел на байдарке-одиночке. Мастеров спорта посадили в байдарки-двойки с девчонками-перворазрядницами. Вышла в поход целая флотилия. Пройти на веслах без передышки 11 километров, да еще против течения, непросто. И тренер после успеха на ростовской воде прикидывал планы на будущее. В одном месте на Белой был заросший у берега тростником пережат на мелководье, скорость течения в этом месте была такой, что приходилось тащить на какое-то расстояние лодки вручную. Но я смог пройти этот отрезок на веслах на скользкой, как акула, байдарке СКИФ и первый приплыл в Чесноковку.

«Кто из мастеров пришел первым?» – спросил приплывший с большим опозданием тренер. Но ему указали на меня. Он смутился. И я тоже. В его глазах, уезжая из Уфы в Москву, я совершал пусть небольшое, но предательство. И пусть на лодках с мастерами были менее сильные девчонки. Мне, раз уж я «такой неправильный», не надо было выигрывать?

Оказавшись в Уфе после Вильнюса, я привез с собой знания по созданию детекторных радиоприемников. И был единственным в этом роде. На мое предложение обучить других создавать такие приемники особого энтузиазма не последовало. Отозвался только один, но и он потом ничем себя не проявил. Так я оказался совсем в одиночестве. И все же еще один такой детекторный радиоприемник мной был сделан. К тому же в это время в магазинах появились сами детекторы в фабричном изготовлении – кристалл был вставлен в штепсель.

На улице Ленина перед самой школой в здании с названием Башкортостан был книжный магазин. Я заходил в него каждый день. Слева продавались тоненькие книжки от 3 до 5 копеек, с описанием технических вопросов для школьной молодежи. Как работает аккумулятор? И так далее. Однажды я увидел книжку в твердой обложке синего цвета ценой в один рубль, которая называлась «Юный радиолюбитель». Мама дала мне этот рубль, и книга была куплена. В ней описывался двухламповый радиоприемник. Что со мной было! Я так загорелся идеей создать его, что когда дело шло к концу, то даже отказался от обеда – так хотелось скорее увидеть работу собираемого мной приемника. Наконец последнее соединение закончено, я включаю тумблером напряжение и... он заработал!

Это было лето 1954 года. А когда в июле 1955 года я проходил собеседование на поступление на Радиофакультет МЭИ, на который только официальный конкурс для золотых медалистов был больше 5 (а неофициально – около 10) на одно место, то создание этого радиоприемника сыграло решающую роль. Сначала с нами вели общий разговор – о том, что ты любишь, чем увлекаешься и так далее. У меня здесь было неоспоримое преимущество – 3-й разряд по гоночным лыжам, 2-й юношеский по гребле и 7-летняя музыкальная школа по классу фортепиано (то что я был троечником значения не имело). «А почему вы решили поступать на РТФ?» – был задан последний вопрос. Я рассказал про мой двухламповый радиоприемник. Мне предложили объяснить его работу. И после этого тихо-тихо сказали, что я буду принят. Хотя официальный ответ нам был дан через месяц.

Сказать, что я любил радиоэлектронику и сознательно готовился получить образование по этому направлению, я не могу. Я вообще об этом не думал, и решение поступать на РТФ МЭИ было принято за день до подачи документов в приемную комиссию. Однажды я прочел книгу о том, как устроен мотор автомобиля «Москвич», и это так понравилось мне, что я даже загорелся желанием заниматься этой техникой. В другой раз прочел книжку про военные корабли, и это тоже было так интересно! К тому же я делал модели кораблей из коры деревьев, снабжал их парусами, и они плавали в лужах после дождя. Даже сделал простой паровой двигатель для одного корабля – сплющив соответствующим образом металлическую трубку от продававшихся тогда таких авторучек – с одной стороны перо, а с другой огрызок карандаша. Закрытая с одной стороны сплюснутая трубка и сплюснутая, но открытая с другой вставлялась в корму корабля из коры и, наполненная предварительно водой, разогревалась в трюме от огрызка свечи. Вода закипала, и корабль начинал двигаться. Когда вода выкипала, то через некоторое время с шумом засасывалась сама в трубку. И корабль плыл дальше.

А еще я создал, найдя где-то описание, фотоаппарат, сделав тубус на основе стеклышка от очков и достав совершенно случайно кассету для стекла с фотоимпульсией (мне ее подарил мальчик из нашего класса, которого звали Петров). Сфотографировал своего кота, спящего на моей кровати, и у меня получилось! После этого мама купила мне настоящий фотоаппарат «Любитель». Если бы я не уронил его, и он разбился от этого, то возможно моя жизнь пошла бы в совершенно другом направлении. Вот только почему он упал?

Это был 1951 год, а в 1952 произошла история, где упал я. Да как! Понятно, что вырезая из коры корпуса кораблей, я столкнулся с задачей иметь очень хороший нож. И он «пришел» ко мне. К нам в квартиру на улице Ленина пригласили зачем-то столяра, он что-то такое отремонтировал и уходя забыл свой необыкновенный по качеству нож. Я увидел его и спрятал. Столяр вернулся, весь в ужасе от пропажи такого ножа, но я сказал, что ничего не знаю. Уходя столяр выл от горя. Так я стал владельцем уникального

по качеству ножа. В следующем году, это был 1953-й, когда в кинотеатрах прошел американский фильм про Тарзана и все были помешаны на нем – стали лазить по деревьям, кричать «по-тарзаньи» и т.д., однажды я решил устроить прогулку с пробежкой в лесу километров на десять. Взял с собой нож – он теперь всегда был со мной. Где-то на середине этого пути почему-то – больше такого никогда со мной не было – решил полежать под огромным деревом и посмотреть на небо. Достал свой нож, погладил его и положил рядом с собой. Полежал так. О чем думал – не помню. Когда потом, пробежав дальше около двух километров, хотел срезать тоненькое деревцо для метания копья, то оказалось, что ножа со мной нет. Забыл его под деревом.

Можно было вернуться и поискать то дерево. Но опять же почему-то *не захотел* делать это. Было такое чувство, что я несмотря на невосполнимую потерю в то же время освобождаюсь от чего-то. И действительно, стало легче. Но все равно не до конца. Для этого и пишу этот текст спустя 67 лет – как исповедь и покаяние.

Я уже сказал раньше, что моим главным другом в школе стал Юра Никитин. Крупный, круглолицый, с челкой на лбу, он играл на семиструнной гитаре и пел под аккомпанемент русские песни, да еще и занимался боксом, поднявшись до второго разряда. Мы с ним два года просидели на одной парте, но в 1953 году он ушел из нормальной школы в вечернюю, став днем свободным и связавшись с бандитской шайкой в городе. Соблазнился «малиной».

Через год он мне рассказывал: «Представляешь, мне только 16, а ей уже 18!». В том 1954 году вышел фильм «Верные друзья». В кассы кинотеатра «Победа» на углу улиц Ленина и Чернышевского, где шел этот фильм, всегда была очередь за билетами. Юра как один из «хозяев» в городе имел право (негласное, важно было только продемонстрировать уверенность в этом праве) брать билеты без очереди. И он отодвинул какого-то парня, чья очередь подошла к окошку кассы. Тот возмутился. По все тем же неписаным правилам того смутного времени (наступившего в 1953 году, когда по амнистии выпустили бандитов) Юра должен был ударить «непослушного». И он ударил, наводя «порядок».

Но оказалось, что обиженный сам был из такой же шайки и тоже влез без очереди за билетами для их «кодлы». Те тут же «нарисовались» и полезли с дракой на Юру. Однако это тоже расписано в их правилах. Дело перешло в разборку между двумя шайками. При равных условиях не прав был бы Юра, но его шайка оказалась значительно влиятельней. И неправым был назван тот парень. Которому прописали два удара «пером» (скальпелем) в живот на глубину полтора сантиметра. Парень должен стоять неподвижно во время наказания, а выполнять его, зажав пальцами «перо», должен был «обиженный» Юра.

Экзекуция состоялась в подземном общественном туалете при Театре оперы и балета (угол улиц Ленина и Пушкина). Парень стоял не шелохнувшись, глядя Юре в глаза.

Юра после этого хотел выйти из шайки, но такого права ни у кого из раз уж вошедших в нее не было. Он рассказал мне это с большой горечью, как о своей большой ошибке в жизни.

С бандитами того времени столкнулся близко и я, когда мы стали жить на окраине Уфы на улице Владивостокская. Наши несколько двухэтажных деревянных домов принадлежали железной дороге, и в них жили «нормальные» люди. Но вокруг была погруженная в бандитизм среда в частных домах с садами и огородами при них. Здесь тоже была своя шайка, насчитывавшая десяток «пацанов». В наших домах было несколько молодых мальчиков и девочек примерно одного возраста – около 15–16 лет. Мы могли собраться в кружочек где-нибудь на травке в теплое летнее время – я рассказываю о таком случае. И к нам тогда подошли для общения местные бандиты. Все было без какого-либо напряжения. Их главарь рассказал, как они принуждают отдавать им деньги при грабеже. «Не нужен нож, достаточно ударить кастетом в руку ниже плеча. Это такая боль!». А однажды он закопал в землю живую кошку и засек по будильнику время ее мяуканья – 15 минут.

Лето 1953 года. Мне 15 лет. Улица Владивостокская. Между нашими тремя двухэтажными деревянными домами было свободное место, на котором поставили два столба, натянули сетку между ними и получилась волейбольная площадка. На ней играли, как

правило, более старшие ребята, чем наша группа из 15–16-летних. Но меня брали – я выделялся спортивной подготовкой. И однажды мне было предложено «старичками» прогуляться с ними до парка Луначарского, расположенного в конце улицы Пушкина. Довольно далеко от нашего района – километра четыре. Я принял приглашение.

Когда пришли в парк, наш старший, пригласивший меня, спросил: есть ли у меня немного денег. Кажется, у меня было пять рублей, и я отдал их. Другие тоже «скинулись», «старшой» подошел к киоску и отдал деньги. После этого мне был протянут граненый стакан с налитой в него до половины высоты водкой. Я не собирался пить водку, я ее вообще-то никогда и не пил. Но тут пришлось. Какой это был восторг! Мне дали закусить пирожок с повидлом, а потом вся наша «принявшая» компания пошла в «Зеленый театр», где начинался концерт. На сцене выступала тяжелая накрашенная женщина лет сорока, похоже, тоже «принявшая» перед этим – так она еле двигалась по сцене. Я до сих пор помню, как она спела такие слова: «Потому что вам без нас, все равно как нам без вас!».

Во время концерта где-то вспыхнула драка, но ее тут же остановили милиционеры.

В 23 часа парк закрылся, и мы пошли своей длинной дорогой домой. Когда на улице Ленина проходили мимо моего бывшего дома, навстречу попала одинокая девчонка в светлом платье, облежавшем ее худенькую фигурку с выступающими грудями. Наша шальная кодла зарычала, набросилась на девчонку, которая от страха не могла даже шевельнуться, и стала щупать ее. Потом так же со смехом отпустила ее. Когда я, стоявший все это время в отдалении, проходил мимо нее, она с ужасом смотрела на меня.

Под впечатлением от выпитой в парке водки, я выпил ее снова 31 августа, в день рождения моего второго друга, сменившего за партией Юру Никитина, – Игоря Семенова. Мне так хотелось повторить первое впечатление! Но ничего кроме разочарования не получил.

(Игорь стал чемпионом Башкирии по бегу на 400 метров. Окончил Мединститут в Уфе, уехал в Новосибирск, стал там детским хирургом, профессором медицины. Юра Никитин окончил после школы музыкальный техникум, работал баянистом в каком-то клубе.)

Март 1954 года. Традиционно в весенние каникулы в конце марта в нашу школу № 11 приглашали на бал девочек из школы № 3 на улице Пушкина. В спортивном зале с круглой железной печкой до самого потолка устанавливали на столике патефон, заводили его ручкой, и танцы начинались. Я не был хорошим танцором, но танго можно было танцевать и мне.

И тут я увидел ее! Не скажу, что я был смелым перед девчонками, но это и не значит, что совсем уж боялся их. А в этот раз что-то сняло даже намек на барьер страха, я пригласил ее на танец и спросил – как ее зовут? Она ответила: Ада. Я назвал себя: Володя.

Мы танцевали весь вечер, она не возражала, и в ее темных глазах искрился смех, вспыхивая временами самым настоящим черным огнем. Я влюбился. Но пригласить на встречу не решился.

Влюбленный, я стал сочинять стихи. Но получилось не то что бы пошло, но около этого: «Луна холодным светом над утомленной Землей сияет и поэта таинственно манит ...».

Через некоторое время я смущенно спросил мою тетю Елену Михайловну – не знает ли она такую девочку в ее школе по имени Ада? Тетя безо всякого любопытства, которого я так боялся, спокойно ответила мне, что, разумеется, она ее знает. Это Ада Тимашева, она идет на золотую медаль. Набравшись храбрости, я спросил, а где она живет? И получил ответ, что за углом от школы, на соседней улице, во втором от угла одноэтажном деревянном доме.

На следующий день я прошел мимо этого дома. В это время она шла с ведром воды, набранной на колонке через дорогу. Наши взгляды встретились, и в них вспыхнул огонь.

Все было именно так: я прошел мимо ее дома, а она в это время вышла из него. Это был знак? В такие случайности хочется верить как в не случайности. Я поверил.

Свою тайну я доверил Юре Никитину. Как сейчас помню, мы идем по улице Ленина мимо здания Башкортостан, с неба мягко падают хлопья белого снега. Не просто снег, а именно хлопья. Разговор, уж не знаю теперь почему, идет о княжне Мэри в «Герое нашего времени» Лермонтова. Какая утонченность! И сколько страданий!

Следующая сохранившаяся «навечно» картинка – я в лесу в районе нашей пограничной улицы Владивостокская. Снег уже сошел, и под деревьями проступила черная земля. И эта земля вся усыпана подснежниками. Я сорвал один, стал рассматривать его и вдруг задохнулся от нахлынувшей тоски. Даже застонал, а потом тихо завыл диким зверем...

В ту весну я бегал каждое утро от нашего дома по лесу по два–три километра. Наступило лето, и я стал победителем отборочных городских соревнований по гребле на шлюпках.

Теперь мы стали ходить на них на речку Дёму, впадающую в Белую ниже по течению примерно через километр. Красавица-река, изгибающаяся в лесу, прогулочные лодочки с мальчиками и девочками в них, и ты – как ветер обгоняющий их на своей шлюпке. Я даже чувствовал себя немного виноватым перед замиравшей в лодочках публикой.

Настал последний день того лета – 31 августа. С утра я убежал в свой лес. Спустился и поднялся четыре раза бегом по заросшим лесом холмам на берегу коварной из-за водоворотов реки Уфимки. Какое-то настроение занесло меня на единственное открытое место, которое так и называлось – Лысая гора. Сел на краю, глядя в лесные дали на той, низменной стороне реки и стал думать про учебу, которая начиналась с завтрашнего дня.

И не просто начиналась, а становилась последней в моей жизни в средней школе, которую я хотел закончить с золотой медалью, взяв об этом обет молчания в первом классе, в 1945 году. Ни разу не нарушив этот обет. И тут на моем пути встала любовь к девочке-татарке, шедшей за золотую медаль. Встала как указывающий путь моему кораблю маяк, как грозный вызов всему моему будущему, как гордый боевой флаг, который я должен – вот именно сейчас – поднять!

И я поднял его – принял решение стать отличником и предпринять штурм золотой медали.

А в тот вечер у нас с мамой были билеты на какой-то спектакль в Театре оперы и балета на улице Ленина. Мы пришли заранее, и я вышел на большой открытый балкон. По радио передавали речь нашего лидера Георгия Маленкова. В ней были такие слова: «Пошли по шерсть, а вернулись стриженными...». Почему-то они меня оттолкнули и за чем-то запомнились. Как помнится сам балкон – очень большой, с бетонными перилами.

Потом эти слова регулярно вставлялись в речи управлявших нашей страной важных чинов по случаю и не случаю. И меня всегда смущала их казавшаяся мне низкая примитивность. Но я понимал, что, наверно, у меня все же нет права быть таким уж уверенным в себе.

Какой тогда был спектакль, я действительно не помню. Возможно это была опера «Князь Игорь», потому что я тоже почему-то очень хорошо помню музыку и слова из хора бояр – «Мужайся, княгиня, недобрые вести...». И даже выучил потом игру на пианино этой музыки.

На следующий день настал сентябрь. И я сразу настроил себя на новую жизнь. Теперь надо было получать одни пятерки, для чего нельзя было позволять себе никаких поблажек с подготовкой домашних заданий. Дело доходило до того, что ложась спать и уже засыпая, если я мог подумать о том, что надо заставить себя встать и еще раз повторить выученное задание, я всегда вставал и повторял. Это было очень непросто. Но я всегда вставал.

Первая и вторая четверти (до Нового Года) были закончены на одни пятерки. А в феврале на третьей четверти произошел один сбой. На контрольной по математике я ошибся, когда брал какой-то логарифм, причем сделал не одну, а сразу две одинаковых ошибки. За это можно было получить тройку, а с ней пять за четверть уже не поставят. И учитель математики Яков Иванович Эделев (о нем шепотом говорили, что он бывший белогвардейский офицер) не поставил мне ничего. Просто поставил точку в ведомости за контрольную.

Это сыграло не последнюю роль в том, что я все стал делать без каких-либо расслаблений.

В конце апреля или начале мая была окончена учеба в семилетней музыкальной школе. Все это время я продолжал регулярно ходить на стадион «Динамо», где мы занимались летом легкой атлетикой. У меня лучше всего получались прыжки в высоту – нормой было 155 сантиметров, удавалось иногда 160, и метание копья. Терпеть не мог метание диска. Бег на стометровку тоже был не моим коньком – я никогда не выходил из 13 секунд. И так далее.

Еще были тренировки по гребле на лодках. Когда зацвела сирень, мы несколько раз сплавали на них на речку Дёму, чтобы нарвать в лесу букеты.

И вот пришел июнь и с ним время экзаменов на аттестат зрелости об окончании школы-десятилетки. Я сдаю на пятерки один экзамен за другим и остается последний – по истории, на подготовку к которому отведены пять дней. История, где в основном требовались зубрежка и хорошая память, была для меня самым простым предметом, и не было сомнения в том, что я и здесь получу пятерку. Но чтобы получить золотую медаль, мне надо было пересдать две четверки за предыдущие годы учебы – по конституции СССР (за 7-й класс) и по географии (за 9-й класс). Моя тетя Елена Михайловна, напомним – директор соседней школы № 3, переговорила об этом с директором нашей школы Петром Александровичем Железновым, и он дал согласие на переэкзаменовку. При том что на все про все было только пять дней, а потому выглядело делом немного сомнительным.

В первый день я засел в 9 часов утра за учебник по конституции СССР и в 17 часов сдал на пятерку этот предмет. Но на следующий день от перенапряжения мне стало так плохо, что мама отвела меня в поликлинику. Там нас успокоили: со мной было все в порядке, просто я не выдержал перегрузки. И я засел за учебник по географии. Как пробежал историю, даже не помню. Наверно бегом перед самым экзаменом. Пятерка по истории была поставлена, и наступило время географии. И вот тут произошел не очень для меня приятный случай.

Я пришел на следующий день после экзамена по истории к дому учителя по географии, как с ним перед этим договорился наш директор. Одноэтажный деревянный дом с палисадником, забор-штaketник, запертая калитка. На калитке кнопка звонка. Я позвонил, но из дома никто не вышел. Я стал ждать. Через два часа дверь в доме открылась и меня пригласили.

«Какой хочешь билет?» – спросил меня учитель. Перед ним сидел блатной мальчик, которого «тянули» на золотую медаль. Я смутился. Меня унижали, но с другой стороны на весах была золотая медаль... Я сказал, что лучше знаю про Соединенные Штаты Америки. Он дал мне билет, где надо было рассказывать про промышленность США – автомобильный Детройт и другое. Я рассказал неплохо, он немного отошел. И сказал: «Ответь еще на один вопрос, и я поставлю тебе пять! Скажи: есть ли в Швеции леса?».

И тут я совершил оплошность. Мне вспомнилась недавно прочитанная книжка про войну, где рассказывалось, как наши разведчики прятались за камнями в безлесной местности в соседней Норвегии. А маленькая на карте Норвегия и тоже маленькая Швеция – они совсем рядом. И я сказал, что лесов в Швеции нет.

«В Швеции самые большие леса в Европе, – сказал учитель. – Есть даже такой рассказ у Чехова, называется ”Шведская спичка”!». И поставил мне пять.

Комментировать эту историю с географией я не буду. Золотую медаль мне дали, и я в первый раз сидел на сцене за столом, накрытом красной скатертью, вместе с нашими учителями. Сказал по поручению общественности благодарственную речь учителю математики Якову Ивановичу Эделеву. А потом выпил столько красного вина, что чуть не упал из открытого окна со второго этажа, когда забирался посидеть на его подоконнике. Но меня поймали.

И уже через несколько дней я ехал в Москву искать счастья. Здесь в качестве отступления скажу, что во время экзаменов в июне я продолжал ходить на тренировки по легкой атлетике на стадион «Динамо». И там при бросании копья мне была поранена нога – копьё нанесло рану между пальцами ноги. В поезде, когда я спрыгивал со ступеньки на перрон во время какой-то остановки, рана открылась, и я не знал, что с этим делать. Но напротив меня оказался бывший солдат-пехотинец, участвовавший в войне с Германией. Он сказал: «Присыпь рану простой землей. Мы так всегда делали при ранении на фронте. Не ждать же когда придет медицинская помощь!». Я присыпал, и рана действительно зажила.

Приехав в Москву, я остановился у двоюродного брата Юры, который только что окончил учебу в Московском энергетическом институте, и его взяли на работу инженером-строителем. У него и его жены-украинки Нэтты была комнатка в бараке в Перово. Мы проговорили с Юрой весь вечер, и на следующий день я подал свои документы на поступление в РТФ МЭИ.

Москва. Студенческие годы и начало работы. 1955 – 1962 годы

Итак, я студент первого курса элитного Радиотехнического факультета Московского энергетического института на Красноказарменной улице в Лефортово, который мне предстояло окончить в 1961 году.

1 сентября 1955 года. Первый учебный день. Он запомнился мне тем, что в перерыве лекции по математике, проведенной для всего курса в 250 человек, в аудитории Г-301 (3-й этаж, угловой лекционный зал главного корпуса МЭИ), когда все высыпали из-за парт, я остался сидеть *на своем месте* сбоку сзади (не на самом краю) и стал рассматривать наших девочек. Чтобы выбрать – кто мне нравится.

Выбрал темноволосую черноглазую Леночку Фомину. Была еще одна хорошенькая рыжеватая девчонка, но потом я все же остановился на Леночке.

(После окончания МЭИ мы до самого последнего времени встречались курсом каждые пять лет – приходили около 100 или больше человек – где-нибудь в ресторане. Весной 1991 года, когда был еще СССР, наша встреча прошла в ресторане «Прага» на Арбате.

А помимо этого, человек 10–12 собираются 3–4 раза в каждом году на одной частной квартире. Я всегда сижу рядом с Леной. У нас особые отношения, и я посылаю ей по электронной почте мои книги. А еще она, кандидат технических наук, готовит на эти встречи салат Оливье, который я очень люблю и, выпив водки, закусываю им. Леночка как была красавицей, так ей и осталась, подстриженная в кружок темноволосая и черноглазая, хотя нам уже за 80 лет. Почему-то я всегда искал свою девочку на стороне. И находил, спортсмен и гитарист. «Девчонки только ахали, да щурили глаза...». Играть на семиструнной гитаре, аккомпанируя, меня научил мой друг-бандит Юра Никитин, весной 1954 года, когда моя душа металась под звуки бетховенской «Лунной сонаты» в сетях любви.)

Кроме главного события – парадной лекции для всего курса РТФа – для нашей группы, состоявшей из 20 мальчишек и 5 в большинстве «страшненьких» девчонок, было проведено двухчасовое занятие по математике уже в маленькой аудитории. Преподаватель лет под сорок, в синем шевиотовом костюме, без галстука, назову его только по первой букве фамилии – К., сразу сделал такое заявление: «Вот вы прошли конкурс на лучший факультет МЭИ. И думаете, что это потому, что вы умнее тех, кто не прошел конкурс. Ошибаетесь! На самом деле все совсем не так. Я тоже участвую в отборе кандидатов, и если вижу, что кто-то мне не понравился – это зависит и от моего настроения, – то он ни за что не пройдет. Даже если он очень умный. Рассказываю пример. Принимаю экзамен у такого мальчишки, который мне почему-то не понравился. Но он отвечает на все мои вопросы. А у меня есть специальное задание, которое решить не может никто. А если не решишь, то отметка будет не выше четверки. Но с четверкой по математике на РТФ не пройдешь. И вот я даю ему эту задачу. Я покажу ее вам».

И он пишет мелом на доске уравнение, которое выглядело примерно так: x^5 в пятой степени, плюс x^3 в третьей, плюс просто x , плюс единица – равняется нулю. И говорит, что это уравнение надо разбить на два сомножителя. Предупреждает, что задача нестандартная.

Написал все это, вытер руки тряпкой, потом потрогал, видимо, задумавшись, все равно грязной рукой бортовой карман пиджака – такой не от мира сего интеллектuala, и продолжил: «Мальчик, естественно, задачу не решил. Я поставил ему четверку, и он не прошел по конкурсу. Но тут оказалось, что он был лучшим математиком в одной из московских школ. Он и его мамаша пошли к их учителю по математике в школе, показали задачу, тот тоже решить не смог. Они – к ректору МЭИ с жалобой. Тот вызвал заведующего кафедрой математики в МЭИ, но и профессор не может решить. Позвали меня, – говорит К., – и я показал ее нестандартное, но простое решение. Плачущего мальчика отправили с его мамочкой домой. Так вот, – продолжает К., – даю вам пять минут на решение этой задачи. И мы узнаем, кто из вас не прошел бы конкурс!».

Я поднял руку и сказал, что уже решил ее. Прибавил в формулу x в четвертой степени и вычел тоже x в четвертой степени. Это формулу не меняло, а задача решалась элементарно.

«Как ваша фамилиё?» – спрашивает меня перекосившийся К., извратив слово – фамилия. «Ломоносов».

Он полез в журнал, но такой фамилии там не было. После этого во все время учебы он коверкал мою фамилию – не Шкунденков, а Шкундёнков (с ударением на букву – ё).

Через два года мы столкнулись с ним снова. Я вытащил на экзамене билет с формулой Остроградского-Гаусса. Формулу я знал, а доказательство – нет. Просто пропустил одну лекцию по математике, а потом забыл об этом. В такой ситуации традиционно разрешалось сменить билет, но отметка выше четверки уже не ставилась. Я попросил о смене билета.

«Нет, товарищ Менделеев! – сказал К. – Будете отвечать по этому билету. Кроме того, я посажу вас на первую парту передо мной, чтобы вам не удалось списать доказательство!».

И посадил. А сам сел за стол передо мной. Желтая дубовая парта, желтый стол с К. за ним.

Но я знал все, что было вокруг этой теоремы, и неожиданно для самого себя нашел нужное доказательство. И, отвечая по билету, привел его ему.

«Потрясающе! – заявил К. – Я даже поставлю вам четверку. За ловкость рук!».

Полученная со «сбоем» по географии золотая медаль по окончании школы в Уфе снизила уровень моей самооценки. Что-то внутри сломалось к счастью для будущего. Я обратился в троечника и прогульщика. Учеба на РТФ давалась мне без каких-либо трудностей. И почему-то совсем легкими оказались такие предметы как начертательная геометрия и механика, которые были камнем преткновения для многих, особенно – для девчонок. Один раз, помогая девчонкам по начерталке, я даже выполнил для всех пятерых в нашей группе за один день курсовые работы – начертил что-то (уже забыл что) на двухметровых листах миллиметровки.

В МЭИ было два элитных факультета – наш Радиотехнический, созданный в год моего рождения 1938-й, и «очень современный» АВТФ – Факультет автоматики и вычислительной техники. (На АВТФ я создам в 1982 году на деньги от авиации свою научную лабораторию, которая просуществует до 1989 года включительно и где в 1987 году я защищу докторскую диссертацию. Но сейчас я упоминаю его по другой причине.)

Если наш РТФ был самым неспортивным среди 10 факультетов МЭИ, то АВТФ, наоборот, был одним из двух самых спортивных. Другим из этих двух был Гидроэнергетический факультет (ГЭФ), на котором учился мой двоюродный брат Юра, ставший уже на втором курсе вратарем сборной Москвы по футболу – это был 1949 год. Об этом я уже рассказывал.

Но для меня спорт был моей жизнью. И я затеял поднять РТФ в этом вопросе, понятно, на лыжном направлении. И предложил устроить соревнование по лыжам между 10-ю группами нашего курса на лыжной базе МЭИ в Плющеве (рядом с усадьбой Кусково). Меня охотно поддержали. Сохранились фото от тех соревнований – я на лыжах в широких шароварах, другие были одеты тоже кое-как. Многие из нас были просто бедными. Когда я ехал на электричке в Плющево в 20-градусный мороз в резиновых кедах (это на базе нам давали лыжные ботинки), одна из женщин в вагоне, увидев мои ноги в кедах, даже запричитала.

Весной следующего, 1956 года я выполнил в беге на лыжах на 30 километров второй спортивный разряд, и мне выдали лыжные ботинки и «нормальную» спортивную форму на дом.

Пройдет еще два года, и наш курс станет в 1958 году чемпионом МЭИ среди 50 таких же курсов на 10 факультетах. Еще через год меня за это выберут членом комсомольского бюро нашего курса на РТФ, что сыграет важную роль в моей жизни. Все за те же заслуги по спорту в МЭИ, меня изберут на должность первого заместителя секретаря комитета комсомола в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. А с этого уровня мне будет предложено даже перейти в инструктора Центрального комитета ВЛКСМ в Москве. Предложение было от Бориса Николаевича Пастухова, второго секретаря ЦК. Но это было уже не мое.

Не могу объяснить почему, но когда на второй день учебы, 2 сентября 1955 года я шел из общежития на улице Лефортовский вал в МЭИ, то, проходя мимо одного покрытого травой газона, освященного в тот день неярким солнцем, сказал себе: надо запомнить это мгновение. Зачем? Этого я не знал и не знаю. Просто тогда показалось, что это будет зачем-то нужно. И вот выполняю это принятое в 1955 году «никому не нужное» решение.

Пишу про него, чтобы закрыть выполнением ту странную мысль. Возможно, для того, чтобы мои оппоненты – а мне принадлежит опыт первых исследований на научной основе изображения параллельного мира (2000 год), и «оппонентов» здесь хоть отбавляй, – могли бы в качестве веского доказательства того, что они имеют дело с ненормальным человеком, когда затрагивается вопрос о результатах этих исследований, – указывать на эти 10 строчек.

Почему-то в этом месте мне вспомнилось и наше первое занятие по физкультуре в МЭИ. Дело было на стадионе «Энергия», наискосок от здания нашего общежития на улице Лефортовский вал. Всем было предложено подтянуться на турнике. Подтягивались – кто даже больше 10 раз, кто немного меньше. Но никто не подтянулся так мало, как я – всего 4 раза. В конце остался только один высокий светловолосый парень – Игорь Костарев. Этот смог подтянуться всего один раз. Над нами уже посмеивались. Следующим был вопрос: есть ли у кого спортивные разряды? Когда я сказал, что у меня их два – 3-й по лыжам и 2-й юношеский по гребле (эквивалент 3-му), то можно было увидеть что-то вроде смущения (но, может, мне только хотелось это увидеть). Дошло до вопроса к последнему «неудачнику» – Игорю. Оказалось, что он входит в молодежную сборную Москвы по плаванию и плавает стометровку по 1-му разряду, быстрее одной минуты.

Так мы с Игорем стали друзьями с первых дней учебы. Его семья жила в доме на углу Арбата и Смоленской площади (дом с большим гастрономом внизу), в малюсенькой двухкомнатной квартирке с двумя окнами на Садовое кольцо. В длинном коридоре этого дома, на который было нанизано множество подобных «квартирок», жили в свое время разные знаменитости. Почему-то мне помнится имя артиста Михаила Жарова, но я могу теперь и ошибиться. Меня всегда очень хорошо принимали в этой семье.

К сожалению, через год Игорь, находясь на спортивных сборах, сломал ногу во время игры в футбол и отстал от нас на целый год. Но приходил на наши встречи после окончания учебы в МЭИ, которые проводились в каком-нибудь ресторане каждые пять лет. Я ходил к нему в гости пешком – от Лефортовского вала через Красные Ворота и так далее. Если были деньги, то заходил в пельменную на Арбате. Но деньги «для пира» были не всегда.

По субботам вечером на пятом «девчачьем» этаже нашего шестиэтажного общежития в доме из красного кирпича (со студенческой столовой на первом этаже, в которой на стене висела почетная грамота с ликом Ленина) устраивались танцы, а под занавес пелись хором без музыкального сопровождения студенческие песни. Какие это были песни!

Нажми, водитель, тормоз наконец! Ты нас тиранил три часа подряд.
Слезайте, граждане, приехали конец – Охотный ряд, Охотный ряд,
Охотный ряд, Охотный ряд!
Здесь бродит Запад, гидов теребя. На Метрополь колхознички глядят.
Как неохота уезжать мне от тебя, Охотный ряд, Охотный ряд,
Охотный ряд, Охотный ряд!

.....
Жил один студент на факультете, о карьере собственной мечтал,
О машине личной, о жене столичной, но в аспирантуру не попал.
Если не попал в аспирантуру (сдуру), собери свой тощий чемодан,
Обними папашу, поцелуй мамашу и бери билет на Магадан.
Путь до Магадана недалекий, за полгода поезд доведет,
Сколоти хибару и купи гитару, и тогда вокруг все запоет.
Хороши цветочки в Магадане, еще лучше девушки в Москве,
Потому женою запасись заране, а не то повесишься в тоске.

Быстро пролетят разлуки годы, молодость останется в снегах,
Инженером старым с чемоданом тяжким ты в Москву вернешься при деньгах.
Но тебя не встретят, как бывало. И жена не выйдет на вокзал,
С лейтенантом юным с полпути сбежала, он теперь наверно генерал.
Ты возьмешь такси до Метрополя, будешь пить коньяк и шпроты жрать,
И уже с полночи пьяным будешь очень и начнешь студентов угощать.
Все прошло, все скрылося в тумане, не искрится молодость в глазах,
Не согреешь душу дорогим регланом, седины не скроешь на висках.
Будешь плакать пьяными слезами и стихи Есенина читать,
Вспоминать студентку с синими глазами, что могла твоей подругой стать.

.....
Я не знаю, где встретиться нам придется с тобой.
Глобус крутится, вертится словно шар голубой.
И мелькают города и страны, параллели и меридианы,
Но таких еще пунктиров нету, по которым нам бродить по свету.
Знаю, есть неизвестная широта из широт,
Где нас дружба чудесная непременно сведет.
И узнаем мы тогда, что смело каждый брался за большое дело,
А места, в которых мы бывали, люди в картах мира отмечали.
Кто бывал в экспедиции, тот поет этот гимн,
И его по традиции мы считаем своим.
Потому что мы народ бродячий, потому что нам нельзя иначе,
Потому что нам нельзя без песен, потому что мир без песен тесен!

.....
Товарищ, бросьте, зачем страдать? Зачем больное вам сердце мучить?
Она вас любит, идите спать. Спокойной ночи, спокойной ночи!
(Говорить наставительно.) Она вас любит. (Пауза. Говорить.) Идите спать.
(Пауза. Снова петь.) Спокойной ночи, спокойной ночи!

Песня геологов, сочиненная (ее начало) в 1947 году, была для меня особой – на геофаке МГУ училась поступившая на него Ада Тимашева из Уфы. Я стал ездить туда вместе с поступившим на РТФ МЭИ моим однокашником по школе № 11 Уфы Эдиком Лапчиком. Пройти в МГУ без пропуска было нельзя, и мы лазили в него через забор.

Чаще всего это были ворота из почерненной стали в арке угловой башни. С виду такие неприступные, они на самом деле имеют в своем узоре аналог канатной лестницы, по которой мы легко забирались на четырех с половиной метровую высоту, а затем так же спускались уже с другой стороны на землю. Нас могли засечь и попытаться поймать, но мы, как кошки, взбирались наверх – каждый по своей половине – и спрыгивали с наружной стороны вниз. А нас в это время пытались ткнуть сквозь забор черенком метлы.

Второй вариант был – перелезть через забор, отгораживающий двор, там, где он стыковался со зданием. Там было тогда не до конца защищенное пространство на стыке, что уменьшало высоту нашего препятствия. Правда, при этом мы были видны, как на ладони. Но угол здания был далеко от домика с проходной и окошком, и если за нами начиналась погоня, то времени удрать было всегда достаточно: гналась обычно неуклюжая баба с метлой («с», а не «на»). К ней мог присоединиться ковылявший за ней мужик в сапогах.

Но уж если нас заметили и не поймали, то какое-то довольно длительное время следить за нами будут непрерывно. Тогда оставался третий, он же последний и самый рискованный путь. Надо лезть через забор в «мертвой зоне» обзора из окошка домика с проходной. Это означало, что мы лезли в пределах менее одного метра от угла домика. Заметить нас из окошка было невозможно. Но рядом, на расстоянии вытянутой руки, входят и выходят «ничего не замечающие» куда-то спешащие люди. Это было по-настоящему страшно, но на нас никто не настучал ни разу.

Общежитие, в котором жила Ада, было на шестнадцатом этаже в этом же высотном здании МГУ. Мы разузнали об этом, спросив, где живут будущие геологи, и ходили туда в надежде, что Ада случайно выйдет и увидит меня.

Я пробирался сюда под землей (на метро), ехал по улицам на рогатых чудовищах и штурмовал с моим смелым напарником, татаринком по его матери (и по его лицу), кованые железные ворота. И вот я здесь и иду по качающемуся под ногами из стороны в сторону коридору, как палуба корабля в штормовую погоду, и нет, кажется, у меня сейчас большего желания, чтобы она не вышла и не увидела меня...

Ада была для меня прекрасной таинственной принцессой из замка с башнями на углах. В замке вечно горели огни и какие-то люди сновали туда и сюда, верх или вниз по его бесчисленным запутанным переходам. Кто эти люди? И почему мне было так страшно?

Когда же еще через год мы все же встретились, то уже после первых свиданий, однажды сходяв с ней в Цирк на Цветном бульваре, расстались. Она оказалась хорошей, но самой обычной девушкой...

Больше я не видел ее никогда.

Но в моей памяти остался боевой корабль с пушками на борту – Московский университет. А перед ним раскинувшееся беспокойное море под названием Москва. Я плыл по нему в своей скорлупе в осенних лучах заходящего солнца, готовясь прорваться штурмом на приближающийся корабль. А он был спокоен и величественен в его несокрушимой вере.

Вот только во что? Этого я не знал. Как не знает это никто.

В феврале 1956 года прошел XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, на котором Хрущев выступил с критикой Сталина. Кое-какие слухи об этом дошли и до нас.

Летом того 1956 года, когда мне было 18 лет, я в первый раз провел одну смену (20 дней) в спортивном лагере МЭИ в «Фирсановке» – на Пятницком шоссе, идущем из Митино в сторону Солнечногорска. Потом я проведу в нем по две смены в 1957 и 1958 годах, ставших чуть ли не лучшим временем в моей жизни. Об этом времени я напишу в 1971 году повесть под названием «Черное озеро». Озеро с таким названием было (и осталось) около нашего лагеря.

Это стало рассказом о несостоявшейся любви к одной девочке, которая тоже влюбилась в меня, но уже обещала выйти замуж за другого. «А он – иной...» (А.Вертинский) был из обеспеченной московской семьи и уже закончил учебу в МЭИ. А нам с Людкой, как я назвал девчонку в моей повести, было только по 19 лет. И я был в каком-то смысле еще «никто». Репрессированный в 1938 году отец (за что меня даже в том 1956 году, после учебы на первом курсе, хотели перевести в МЭИ на один из «невоенных» факультетов; но спасло выступление Хрущева на XX съезде – теперь уже по требованию моей мамы нам выдали недоступную до этого справку о том, что мой отец реабилитирован в 1954 году, и меня оставили учиться и дальше на РТФ), впереди было еще четыре года учебы и неизвестное будущее с местом работы – едва ли в Москве.

Понимая все это, я не стал «брать» ее себе, приняв ставшее позже важнейшим в методе Dynamical Time Compression «правило» – *не спешить*. Однажды мы остались с ней вдвоем в лесу около Черного озера, отстав от моей и ее групп спортсменов (она была баскетболистка из команды-чемпиона МЭИ), и я мог ее поцеловать. Она ждала, но... я не стал делать этого. На следующий день она сама поцеловала меня в вечерних сумерках и, не сказав ни слова, уехала из лагеря, не оставаясь до конца смены. Тогда ко мне вместе с настроением пришла мысль о том, что хорошо, что мы все когда-нибудь умрем.

С этого начался мой путь в философию. И появились следующие мои стихи:

Может, завтра нас не будет,
Может, кто-нибудь другой
Позовет и все забудет,
Будет петь тебе одной.

Пой струна, звени гитара,
Про надежду и любовь
Расскажи мне в песне старой,
Уведи меня тоской
За звездой голубой.
В лунном свете над водой
Нас свяжи одной судьбой.
Нет надежды? Никакой?

.....
Нет печали, нет разлуки,
Нет начала и конца.
Расчертив огнем, звезда
Протянула в небе руки –
Никуда. Одна вода
От нее засеребрилась.
Снова тьма. И снова мгла.
И тоска волной разлилась,
Заблудилась, набежала,
Расплескалась в камышах.
Взмах крыла. Чья тень пропала?
Месяц вышел в облаках.
Он всю ночь в тумане бродит
Безнадежно желтым светом.
Что он ищет? Не находит?
Даль светла, но нет рассвета.

.....
Ни тоски, ни тайной муки,
Ни надежды, ни креста.
Гаснет пламя, стыннут руки,
Тихо катится слеза...

Позже оказалось, что эти стихи совпадают по рифме со стихотворением Якова Полонского «Мой костер в тумане светит», и я скомбинировал его и мои слова (выборочно, не в полном объеме), начав со слов «Мой костер...», и использовал музыку этой необыкновенной песни.

* * *

Я привожу здесь отрывок из моей повести «Черное озеро».

Вечером опять пошел дождь. Где-то гроыхал гром, и редкие всполохи молний выхватывали на мгновение мокрые ели и длинные ряды палаток. Лагерь затих, «запрятался». Только столовая-пещера с одной-единственной лампочкой напоминала, что здесь еще теплится жизнь. В светлом кругу стучали по столу игроки в гоп-доп, в углу кто-то неумело пытался аккомпанировать на гитаре, собрав около себя девчонок и несколько ребят.

– Сыграй нам, Володька!

Мне отдали гитару. Я подстроил ее, пробежав по открытым струнам, и ударил быстрый ритм аргентинского «бегинчика», тихонько насвистывая какую-то первую попавшуюся мелодию. Чуть-чуть отпустив по-разному первые две струны и почувствовав в звуках *то самое* – волнуемое – настроение, я резко остановился и, задержавшись на *положенное* время, перешел к тяжелым аккордам:

*Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
тускло звезды мерцают...*

Девчонки подхватили, и покати́лась песня-слеза к далеким годам знакомой нам всем войны, к бабьему горю и русскому бесстрашию. Девчонки плакали-пели, а я сидел – их солдат – и играл им на гитаре.

*Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами...
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь пролегла между нами.*

Песня затихла. Шумел дождь, и его крупные капли стучали по крыше-навесу. А в центре, под лампочкой, раздавалось: «Руки на стол!». Я перешел на другую тональность и начал как можно более мягким и низким голосом:

*Ша-лан-ды полные кефали
В Одессу Костя приводил...*

Настроение мгновенно переменилось, и понеслась «одесская» песня в глушь подмосковного леса. Как всегда, все знали ее начало, но лишь немногие могли допеть до конца:

*На свадьбу грузчики надели
Со страшным скрипом башмаки.*

Из палаток вылазили понемногу «медвежатники» и перебирались к нам: девчонки бегом и со смехом, ребята – нахохлившись в своих куртках. Собралась уже большая компания и надо было что-то общее и задушевное.

*По о-бы-чаю... – начал я.
Петербургскому, – ответили мне несколько человек.
По обычаю, – повторили мы все вместе.
Святорусскому, – ударили, взлетели звонкие голоса.
Мы не можем жить без шампанского
Да без табора без цыганского!*

Я заглушил гитару, и в наступившей тишине случайно собравшийся хор, уступая чьей-то единой воле и единому настроению, повел негромко и в каком-то сдержанном порыве:

*Очи черные,
Очи страстные,
Очи жгучие
И прекрасные...*

Едва прозвучали последние слова этой «гусарской» песни – о том, что «увидел вас я в недобрый час», – как кто-то из девчонок тихонечко затыкнул:

*То-о не ве-етер ве-е-етку клонит,
Не дубравушка шумит,
То мое, мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит...*

Я «ушел» в мелодию и, уловив тональность, негромко поддержал ее. «Догорай, моя лучина, догорю с тобой и я» – это пели уже все. Гитара здесь была не нужна.

Потом спели песни на есенинские слова – «Клен ты мой опавший» и «Выткался на озере алый свет зари» и одну из написанных мной, тоже на его слова.

Предложили «Сиреневый туман», и над лагерем поплыла светлая и грустная песня нашей юности. Где было все: «ты смотришь мне в глаза» и дальняя звезда «над тамбуром горит»...

*Кондуктор не спешит,
Кондуктор понимает,
Что с девушкою я
Прощаюсь навсегда.*

.....

Людка стояла, прислонившись головой к резному деревянному столбику, на который опиралась крыша-навес, чуть в стороне от остальных. И когда вспыхивала молния, мне чудилась в ее опущенных длинными ресницами глазах и во всей ее обтянутой свитером тоненькой фигурке какая-то безысходная печаль.

* * *

Летом 1957 года в Москве проводился Международный фестиваль молодежи и студентов. Я провел первую смену, с 1 по 20 июля, в спортлагере в Фирсановке, а потом вместо второй смены остался в Москве, чтобы увидеть Фестиваль.

Посмотрел, забравшись на подоконник одного дома, на открытии Фестиваля «шествие» грузовиков по Садовому кольцу с приехавшими иностранцами, которые махали нам из кузовов руками, и после этого стал работать с подобранной мной студенческой бригадой из четырех человек на строительстве хрущевских домов-пятиэтажек. Наша рабочая площадка была недалеко от кинотеатра «Слава» на Шоссе Энтузиастов, и мы однажды, подойдя к ограде близлежащего стадиона, увидели соревнование девушек-лучниц. Стройные девчонки и их роскошные спортивные костюмы. Огромные луки. Это было очень красиво.

И это все про Фестиваль. Наша работа на строительстве заключалась в подготовке подвала для его бетонирования. Работа не из приятных. Надо было копать землю, откачивая грунтовые воды. Когда закончили порученное задание, то почему-то нам не сразу выдали заработанные деньги. Но мы спланировали свои финансовые расходы именно под этот день и в результате целые сутки провели без еды. Когда пошли уже вторые сутки, мы просто пришли к конторе, где выдавали деньги, и сели в их ожидании. Узнав о том, что мы не ели уже больше суток, задержавшая выплату бухгалтерша очень расстроилась и тут же выдала нам положенное.

Мы пошли в ближайший магазин на Шоссе Энтузиастов рядом с кинотеатром «Слава» и купили по батону белого хлеба и кефир. А на следующий день я уезжал в спортлагерь в Фирсановку на 3-ю смену, которая начиналась 10 августа и называлась спортивной.

Это про время на этой смене я написал через четырнадцать лет повесть «Черное озеро».

С 1957 годом связана и поездка с 1 сентября на один месяц на целину. Нашей учебной группе достался поселок Курья в Рубцовском районе Алтайского края. Ехали туда, в Алтайский край, всем курсом в солдатских теплушках. Нам выдали подъемные, и я купил на них кирзовые сапоги и большую семиструнную гитару в магазине на Неглинной.

Денег после этих покупок у меня осталось в обрез, а ехали мы дольше, чем предполагали. Питание было солдатское – на станциях были специально оборудованные столовые, но щи в них были настолько плохими, что я заглатывал свою порцию как можно быстрее – чтобы хотя бы сократить время отвращения. Многие вообще не хотели их есть.

Барнаул, Рубцовск и вот, наконец, – Курья. Нас пригласили в рабочую столовую, где было приготовлено сколько угодно поджаренных оладий с джемом. И чай в больших жестяных чайниках. Какой праздник! Но потом оказалось, что эта еда – чуть ли не единственная, которой нас будут кормить. Будет еще суп-баланда, а потом опять оладьи и чай. Жить можно было, но мы попробовали сами подрабатывать на стороне после основного рабочего дня, чтобы жить стало веселее. Но об этом позже.

В Курье родился в 1919 году создатель автомата «калашников» Михаил Тимофеевич Калашников. Но в том 1957 году об этом никто не говорил. Поэтому то, что мы там увидели, было не «парадным», а самым обычным.

Поселок построился около быстрой неглубокой речки Локтевка, по берегам которой росли высокие красивые деревья. А так деревьев там я даже не помню. В центре – кафе-столовая, где можно было пообедать за деньги. Которых у нас не было. Остальная местность – какая-то голая, одноэтажные частные дома нередко стояли одиночками. Сразу за чертой поселка начиналась та самая степь, которую распахивали как целинную. Урожай зерна и в самом деле тогда были хорошими. Но инициаторы подъема целины не позаботились о его хранении в том объеме, в каком его собирали. И его просто складывали в огромные кучи размером с хороший крестьянский дом, в каждой из которых было по 500 тонн зерна. Оно в этих кучах горело, превращаясь в черные головешки, и нашей задачей была просушка зерна, собранного в эти кучи, прежде чем потом его куда-то увезут.

Для этого была выстроена линейка из 6 печей каждая, которые топились углем. И были нагреваемые горячим воздухом от этих печей металлические короба, расширенные наверху, куда засыпалось ведром зерно. После чего оно там некоторое время сушилось, затем мы открывали дверцу, подхватывали просушенное зерно и относили его в новую кучу. Которая ждала отправки его куда-то. Все было примитивно, но работало. По-русски.

Двадцать секунд работы и сорок секунд перерыв, когда можно растянуться на зерне. Это казалось просто только вначале, но после восьми часов такой работы с небольшим перерывом на обед не все могли даже сразу подняться на ноги. Но с другой стороны, нам объявили, что это самая оплачиваемая работа.

Я проявил инициативу, собрал бригаду из спортивных ребят, и мы проработали на этом участке весь срок пребывания на целине – до конца сентября.

Нормой просушки в день на наших 6 печах было 30 тонн. За 90 тонн уже награждали медалью «За освоение целины». Я разобрался в «механизме» организации работ и, увидев, что главной проблемой было подтаскивание и оттаскивание зерна, предложил использовать бывшие в хозяйстве нашего совхоза транспортеры – движущиеся длинные резиновые ленты, приводимые в движение моторами. Собрали такую систему и пошли на рекорд – проработав подряд две смены (это 16 часов), посушили сразу всю кучу – 500 тонн.

Я доложил «наверх». Но поскольку это было невозможно, то нас причислили к очковтирателям, которым хотелось обманым путем заполучить целинные медали. Был даже официальный разнос перед строем. Тогда мы стали, работая вполсилы с применением нашей системы из транспортеров, выполнять каждый день только по 90 тонн. За нами следили и, увидев наши старания «исправится после обмана», простили и наградили каждого грамотой местного руководящего органа. Какого – не помню, потому что эту красно-зеленую бумажку я выбросил.

В том 1957 году я вошел во вторую сборную МЭИ по лыжам и потому попробовал было после рабочего дня еще и заниматься бегом. Но через два дня мне это надоело. К тому же все время хотелось поесть чего-нибудь помимо оладий с джемом. И мы с моим другом по учебе в МЭИ Олегом Волковым стали подрабатывать в поселке колкой дров на зиму. Заказов на такую работу было сколько хочешь – в поселке было много женщин, оставшихся после войны без мужчин. Денег с них мы не брали, но нам давали молоко и вареные яйца. С одной совсем несчастной женщины мы не взяли ничего. И тут нам предложила такую же работу хозяйка кафе-столовой, расположенной на берегу речки. «Я заплачу вам хорошо, – сказала она, – только вы об этом никому не говорите!».

По такому случаю мы с Олегом «размахнулись» и работали не просто до сумерек, но и когда спустилась полная темнота. Возшла луна, но ее света не хватало. К нашей хозяйке, красивой женщине лет 35-ти, приехал на студебеккере ее друг, который, когда стало темно, включил нам свет от его машины. Поработав так еще какое-то время, но уже с трудностями таскать и складывать в темноте наколотые поленья, мы остановились и пришли в дом. Нам дали заработанные деньги и пригласили за стол на ужин.

Это были яичница с ветчиной и много зелени, и стояла бутылка водки. Мы выпили по 100 грамм и стали есть. В это время в дверь дома стал стучать кто-то и громко требовать, чтобы открыли, а потом он ворвался с грохотом в нашу комнату. Шофера хозяйка спрятала в спальне.

Ворвавшийся стал угрожать хозяйке, требуя «на разговор» с ним ее ухажера. Хозяйка отвечала, что в доме никого нет кроме двух молодых ребят, которых она наняла наколоть ей дров на зиму и сейчас кормит. Но бандюга кричал, что он не верит, во дворе стоит его студебеккер, она его прячет и он сейчас найдет его и убьет. Появился нож. Хозяйка закричала.

Я встал из-за стола и положил руку на стоявший около печи топор. Бандит опешил. Наши взгляды встретились.

«Бить сначала ногой», – принял решение я. Молчание. Взгляды. Потом он выругался матом и ушел из дома. Хозяйка плакала. Шофер вышел из спальни и пожал нам руки.

По окончании работы в совхозе нам выдали денежный расчет. Дали до смешного мало, было видно, что нас обманули. Но спорить мы не умели и взяли то, что есть. Мне как бригадиру дали больше, чем другим. Я подумал было, что надо разделить поровну мою надбавку, но потом передумал и не стал это делать. Ребята все видели, но никто не сказал ни слова. За этот мой проступок я переживаю до сих пор. Только история с ножом, который я прихватил у столяра в Уфе, висит на моей совести еще большим камнем, чем эта – с деньгами на целине.

Когда мы возвращались с работы на целине в Москву, нас везли в пассажирских плацкартных вагонах. Это был октябрь 1957 года, и так получилось, что 4-го числа, когда мы были еще в пути, было объявлено о запуске первого спутника. Все ликовали, а когда стало темно, то прильнули к окнам вагона в надежде увидеть движущуюся по небу звездочку (о чем было объявлено).

Я воспринял это очень странно, если смотреть из сегодняшнего дня. Никак. И только когда все уже улеглись спать, я вышел в тамбур и тоже поискал на небе *что-то*. Но не нашел ничего. Объяснить это свое поведение я не берусь.

Но, возможно, эта действительно странность потом сыграет в моей жизни положительную роль. В 1964 году я, тогда рядовой инженер-электронщик в Лаборатории ядерных проблем Объединенного института ядерных исследований в Дубне, выиграл конкурс на создание сканера для массовой прецизионной обработки фотоизображений с трековых камер (до 100 000 снимков в эксперименте). И взялся за реализацию своей идеи, которая предполагала создание оптико-электронного измерительного канала для считывания информации с обрабатываемых фотоснимков, электроники управления световым лучом на экране сканирующей электронно-лучевой трубки, электроники обработки считанных сигналов, аппаратуры связи с управляющим компьютером (тогда он был просто электронной вычислительной машиной, которую надо было самому переделать в управляющую), создание программы управления сканированием и, наконец, программы распознавания измеренных и оцифрованных изображений. Да еще пульта диалогового управления системой.

В те 1960-е – 1980-е годы, как разобрался я с этим вопросом позже, над подобной задачей работали в ~ 200 научных лабораториях мира – Массачусетском технологическом институте (США), университетах в Англии (Оксфорд, Кембридж), Германии, Франции, Италии (Болонья) и других. На что было затрачено около полумиллиарда долларов. Я не зал об этом, но мне в любом случае было все равно. И я создал в 1980 году лучший в мире мониторный (позволяющий искать невидимое на видимом) сканер – АЭЛТ-2/160.

Где живет дух победы на Куликовом поле

В 1957 году произошло еще одно знаменательное событие, повлиявшее на мою жизнь. Уже после поездки на целину, в октябре нас, лыжников, привезли на электричке с Ленинградского вокзала мимо Химок на станцию Подрезково. Здесь был овраг с протекавшей по нему речкой Сходня. Мы бегали, тренируясь, по склонам оврага. В этот день выпал первый снег, и мы на своих по-волчьи сильных ногах кружили в овраге вверх-вниз до самых сумерек, когда в окнах частных одноэтажных домов на противоположном берегу речки, где был город того же названия – Сходня, стали зажигаться огни.

И вдруг мое сердце защемило такой тоской!.. Почему-то я понял, что из этого оврага мне не уйти никогда. Так оно потом и произошло.

С учебой у меня была проблема. Например, я не мог понять – почему нам читают курсы по математике и основам радиотехники без взаимной связи между ними? После окончания МЭИ я сам пройду весь курс математики, начиная с алгебры в учебнике Киселева за 5-й класс, и закончив книгой Елены Вентцель «Теория вероятностей». С привязкой теорем и формул к их применению в электронике. И создам простой метод расчета на надежность электронных схем на основе применения теории вероятностей. Что сократит в три раза сроки создания надежно работающих электронных схем – усилителей, триггеров и других. Другой «проблемой» была механика. Так, у нас был курс с названием «Теория механизмов и машин», сокращенно – ТММ. Что в студенческой среде расшифровывалось как – тут моя могила. Но для меня механика была совсем несложным предметом. И я даже сдавал зачеты без подготовки, за что получал «тройки» и удивление преподавателя: все решено правильно, но чуть ли не все термины неправильные. А я многие из них просто не знал. Но уже потом, когда я создавал оптико-электронные каналы моих прецизионных сканеров, эта странная особенность моей головы позволяла решать задачи на уровне очень сложных головоломок.

[Например, создание рамки с калибровочной сеткой в ней, нанесенной на стеклянную пластину. Надо было, чтобы эта рамка идеально прижималась к стеклу рабочей рамки, к которому потом прижимается фотопленка с обрабатываемыми снимками. Это была решаемая задача, но для простой и быстрой прецизионной установки калибровочной рамки надо было сделать такие наклонные плоскости в металле обрамления рамки, которые позволяют ей под собственным весом самой устанавливаться туда, куда надо. Задача эта была мной решена, но другие понять мое решение почему-то не могли.]

И над всем над этим, что еще как-то можно объяснить (правда, не без прибегания к хвастовству, которым отмечен мой рассказ выше), было то, что я объяснить не могу. *Что-то* сделало меня прогульщиком, если так можно выразиться, мирового класса.

Наша учеба в МЭИ включала пять лет обучения по два семестра в каждом году, а затем была практика и защита диплома как шестой год обучения, который заканчивался немногим раньше – в марте. И вот я после первого семестра на четвертом курсе вообще перестал ходить на лекции. То есть не был на лекциях последние три семестра (полтора года), а сдавал экзамены по чужим конспектам. Естественно, диапазон оценок у меня был самый что ни на есть широкий – между тройками и пятерками. И была даже одна двойка после конца четвертого (первого «разгульного») курса, когда я еще только приспособивался к новой жизни. Что лишило меня на полгода стипендии и привело к тому, что пришлось работать грузчиком на складе досок одной мебельной фабрики. Но зато я был свободен!

Еще зимой 1957–1958 годов я начал посещать театры – Большой, МХАТ. В Большом мне довелось увидеть знаменитую Галину Уланову в «Лебедином озере» (на этом спектакле в ложе вплотную к сцене был Хрущев) и еще одну балерину, которая понравилась даже больше – она танцевала в «Вальпургиевой ночи» так страстно, так изгибались ее руки! И я решил запомнить ее имя – Майя Плисецкая. Во МХАТе я побывал на «Чайке».

Летом 1958 года я последний раз был в спортлагере в Фирсановке. Мы бегали в лесу по десять километров, чаще всего – захватывая овраг с речкой Горетовкой, на вершине одного из холмов около которой расположилась усадьба конца XVIII века «Середниково». В ней молодой Лермонтов провел четыре лета – с 1828 по 1831 годы. Там же написал много стихов. По легенде, он любил писать под вязом на территории кладбища при церквушке конца XVII века в километре от усадьбы. (Сегодня в этой усадьбе Национальный Лермонтовский Центр, в котором мы с женой встречали Новый Год в новом тысячелетии.)

И вот наступил 1959 год. Сдав экзамены в январе и отгуляв на каникулах две недели, я больше никогда не ходил на лекции. Но и в театры тоже. А вместо этого в возрасте 21 года завел дневник и стал ходить по картинным галереям и библиотекам.

У меня был томик стихов Есенина, который был куплен на вокзале в Новосибирске, когда мы в 1957 году ехали на целину. А теперь я купил еще книгу стихов Александра Блока. И стал сочинять все новые и новые песни, исполняя которые под семиструнную гитару у окна в коридоре общежития никогда не говорил про свое авторство.

Больше всего мне нравились слова есенинского стихотворения «Эх вы, сани! А кони, кони!...», где было такое – «Пой, ямщик, вопрекор этой ночи». У Александра Блока мне особенно пришлось по душе стихотворение «Девушка пела в церковном хоре о всех усталых в чужом краю, о всех кораблях, ушедших в море...» с таким окончанием «...и только высоко, у Царских Врат, причастный Тайнам плакал ребенок о том, что никто не придет назад».

А в Третьяковской галерее мне понравились, и я отметил это в своем дневнике, две картины – «Московский дворик» Василия Поленова и картина его ученика Исаака Левитана «Над вечным покоем». Последняя висела тогда над дверью в другой зал. Но я решил никому не верить, а верить только себе. (Здесь напомним о свободе духа при поиске красоты в методе Dynamical Time Compression, связанной с – *не верить ни единому слову.*)

В самом конце февраля 1960 года к нам в общежитие приехали на танцы девчонки из Библиотечного института (теперь это МГИК, на станции Левобережная около Химок). Мне понравилась одна из них по имени Зоя. Мы стали встречаться. Однажды я рассказал, что был в Третьяковской галерее. Она в свою очередь сказала, что в этой галерее у нее есть своя картина. Я помню, как ко мне пришла очень странная мысль, и я спросил ее: «Над вечным покоем?». Она была потрясена. Эта девушка стала моей первой женой.

Но вернемся к спорту, который в моей жизни занимал особое место. В лыжных гонках я так и не получил первый разряд, хотя бегал около него на тренировках. И я не знаю никого из тех, кто еще в школе был в числе взлетевших на высоту, чтобы потом из них получились спортсмены высокого класса. Во всяком случае – из моего времени, когда из нас выжимали все соки в юном возрасте, без чего карьера тренера не шла в гору. Наверное, сейчас лучше.

После первой поездки в Подрезково в октябре 1957 года я стал ездить туда не только с командой, но чаще – один. Особенно хорошо помнится осень 1958 года, когда мне было 20 лет. Спортсмена видно всегда. Когда я входил в вагон электрички, высокий, светло-волосый (потом уже потемнел), в светлом плаще с погончиками, с черным бархатным шарфом на шее и черным же замшевым спортивным рюкзаком за плечами, держа в руках заграничные финские лыжные палки как признак элитного класса в спорте, однажды даже услышал такое: «Смотри, смотри, какой мальчик!».

От железнодорожной платформы в Подрезкове я шел вдоль дачных заборов, за которыми среди желтой листвы краснели ягоды рябины, обходя оставшиеся от осеннего дождя лужицы воды, приходил в дом на улице Островского (он потом сгорел), в котором для нас арендовалась комната, переобделался и уходил в овраг на тренировку.

Тренировка включала бег, отжимания от земли (если было не сыро) или от стволов деревьев, длинные мягкие прыжки в гору как имитация лыжного скольжения. Также в ход шли лыжные палки. Обычно это занимало два часа.

После тренировки можно было вымыться холодной водой из железной бочки, в которую эта вода собиралась во время дождей с крыши дома, и попить горячего чая из кипятка с заваренными в нем тонкими ломтиками яблока из сада хозяев. Какие это были потрясающие ощущения! Подрезково стало для меня чем-то вроде храма. Как оказалось – не случайно.

Как троечник и прогульщик, я не был приглашен ни на одну из кафедр в МЭИ, когда по окончании пятого курса в июне 1960 года нас распределяли на дипломную практику. В результате я попал на предприятие с почтовым индексом а/я 4122 на улице Гольяновская (рядом с метро Электровзаводская и Госпитальной площадью с Главным военным госпиталем им. Н.Н.Бурденко). Сегодня это Московский научно-исследовательский телевизионный институт (МНИТИ).

И тут меня понесло! Как будто я только и ждал – как вырваться из МЭИ в пространство свежего воздуха. Говорю смело об этих своих впечатлениях после того как провел восемь лет в МЭИ, создав там в 1982 году уже в возрасте 44 лет научную лабораторию под задачи авиации в ЦАГИ, а с 2000 года сотрудничая с Московским инженерно-физическим институтом (МИФИ), где с 2005 года был в течение 3-х лет и.о. директора Института по информационным технологиям. А также много лет сотрудничая с отдельными профессорами МГУ им. М.В.Ломоносова. Не дай Бог сказать мне, что профессора во всех этих ведущих вузах были неумными. Нет, не так. Но наука в них, в моей оценке, была какая-то «немного жалкая».

Например, в МИФИ (это были 1970-е годы) создавали сканер для обработки фотоизображений – то есть шли в том же направлении, что и я. Я пришел к ним, чтобы познакомиться. И что увидел? Посреди захлавленной рабочей комнаты, занимая примерно 1/3 ее часть, стоял покрытый пылью макет сканера (я провел по нему пальцем), у которого оптическая скамья (у них – отрезок двутавровой балки), на которую крепятся сканирующая электронно-лучевая трубка (ЭЛТ), объектив и рамка для обрабатываемого фотоснимка, была наклонена примерно под 45 градусов. «Почему не горизонтально?» – спросил я. «Потому что это угол наклона египетских пирамид» – ответил мне их главный специалист. Пожалуй, это был самый идиотский ответ за всю мою жизнь в науке.

И как же они будут юстировать, выставляя углы наклона и регулируя расстояния, установку ЭЛТ, объектива и рамки? – подумал я, зная, что ошибка настройки по расстояниям не должна превышать 0,01 миллиметра. Но, может, у них есть какое-то таинственное ноу-хау?

Я попросил разрешения потрогать рамку для фотоснимка. Она болталась в пределах 2 мм.

Захлавленная комната, где сновали аспиранты по еще одной теме, дикая идея с наклоном оптической скамьи (якобы оптической) с расхлябанными предметами на нем, которые и отъюстировать-то было невозможно (разве что лежа головой на полу и глядя через глазок коллиматора вверх или же забравшись на стул и глядя сверху вниз – вдоль линии наклона египетских пирамид, а кто-то в это время должен бы держать тебя за твою ж..., чтобы ты не упал), – куда это все вело?

Я не стал ничего обсуждать и ушел. Потом этот главный тем не менее защитил диссертацию, как у них это допускалось, «на исследованиях в направлении создания в будущем работающего сканера» и перешел на работу в Высшую аттестационную комиссию (ВАК), став экспертом по нашим работам. Возможно, у него была «лапа» И когда один из моих подопечных защитил кандидатскую диссертацию на сканере АЭЛТ-2/160, управляемом «старушкой» ЭВМ БЭСМ-4, то в ВАКе тот самый «главный» еле-еле пропустил его к получению «корочек». Довод у него был такой: уже появились микро-ЭВМ, а вы все еще держитесь за технику десятилетней давности. А то, что микро-ЭВМ были тогда примерно в 100 раз слабее нашей «старушки» и совершенно не годились из-за своей малой мощности для решения стоящей перед нами задачи, его нисколько не смущало.

Так было везде, где я сталкивался с «книжными» профессорами. Другое дело, что в том же МИФИ были приглашенные со стороны настоящие специалисты. Но их было мало. А вот что удивительно – это то, что выходившие из этих вузов молодые специалисты очень быстро, попав на рабочее предприятие – здесь я говорю даже про ЦЕРН (Женева), – становились профессионалами высокого класса. Правда, не все. Лучше других были простые «дворняжки».

Но вернемся к моим делам. Итак, я попал на предприятие а/я 4122 на Гольяновской улице. «Мы здесь все задавлены выполнением текущего плана, и нам не до науки, – сказал ставший моим руководителем начальник нашей группы 28-летний выпускник МИФИ Леня Грибанов. – Пока ты еще свободный студент, давай поручим тебе научную разработку. Надо внедрить результаты теории начальника нашего отдела Игоря Л-ка, которые он только что защитил как кандидатскую диссертацию».

Идея 33-летнего Игоря Л. заключалась в передаче каждой строки телевизионного растра (напомню, что наш Институт занимался телевидением) визуального монитора за два захода. Строки разбивались на точки (пиксели), и сначала передавались нечетные точки – 1, 3, 5 и т.д., а при повторе этой строки – четные – 2, 4, 6 и т.д. Это позволяло повесить почти в два раза разрешающую способность монитора (качество передаваемого на нем изображения).

Проблемой, как показал в своих расчетах Игорь Л., было то, что нечетные и четные точки в процессе длительной эксплуатации не должны были «налезать» друг на друга. Иначе эффект повышения качества смазывался. И в диссертации было показано, что стабильность генератора точек должна быть на уровне 1/100 000 при колебаниях температуры в довольно широком диапазоне. Как этого добиться, никто не знал. Эту задачу и поручили мне.

Я долго ломал голову над решением этой «не моей» задачи. Пока однажды не увидел, что ничего со стабилизацией генератора вообще делать не надо. Поскольку такой растр передается всего за 1/10 секунды, то за это время температура никуда уйти не может, а это значит, что «налезания» четных точек на уже высвеченные перед этим (за доли секунды до этого) нечетные точки произойти не может. Так что задача решалась совсем просто.

Я создал схему так называемой череточечной развертки, и ее запустили в производство. Но при защите диплома в конце марта 1961 года комиссия хотела поставить мне только три балла. «А что здесь сложного?» – было сказано в качестве замечания. Еле-еле мои руководители (главный – Леня Грибанов и оппонент Семен Исаакович Бергер, очень интересный человек, один из основателей знаменитого КБ-1 на Соколе для сына Лаврентия Павловича Берия – Серго Берия; на чем тогда и «погорел» – оказался «слишком честным», о чем я написал в других книгах) уговорили поставить мне за диплом четверку.

Но еще осенью 1960 года я получил предложение – остаться на работу в нашем предприятии а/я (абонементный ящик) 4122 на Гольяновской улице. До сих пор помню его рабочий телефон – Е7-0119. И вот тут мы снова вернемся в поселок Подрезково, в который я ездил на электричке с Ленинградского вокзала на тренировки в овраге с речкой.

Моей задачей, связанной с работой в Москве, было получить московскую или подмосковную прописку. Для такого, как я, эта задача считалась нерешаемой. Но я попробовал. Две попытки в Москве окончились неудачей. И тогда я поехал в *мое* Подрезково.

Когда я садился в трамвай № 37 на остановке Лефортовский вал на Красноказарменной улице, около нашего общежития, то на меня вдруг нашел самый настоящий страх. Как? Не просто получить прописку, но именно там, где я это очень люблю? Это было в чем-то похоже на желание получить в жены ту девушку, в которую ты влюбился. И ей надо сказать об этом.

Это было в конце ноября 1960 года. Мне 22 года. Когда я приехал на станцию Подрезково, уже приближались сумерки. С чего начать? Я не знал и зашел в первый дом. Рассказал принявшей меня хозяйке лет 40 о моей проблеме. Она сказала, что у нее с этим вопросом есть сложность, но вот недалеко, с той стороны небольшого озера перед платформой, на улице Колхозная, дом 10, хозяйка Нина Максимовна, возможно, примет меня.

Я пришел в этот дом. Мне открыл дверь ее муж Николай Иванович, 55-летний мужчина, пригласил зайти. Пока мы ждали хозяйку, которой принадлежал дом, с ее работы, я рассказал все обо мне Николаю Ивановичу. Он сказал, что шанс у меня есть. Пришла хозяйка, и я, повторив свой рассказ и выпив с ними чашку чая, получил согласие на то, что могу снять у нее комнатенку площадью шесть квадратный метров (кровать, стул и тумбочка) за 200 рублей в месяц (после денежной реформы – 20 рублей), а Николай Иванович пообещал похлопотать – с ее согласия – про прописку в Химках, где у него были «нужные» знакомые.

На следующий день мне было сообщено, что такую прописку я получу. Для этого мне было предложено дать 250 рублей на празднование такого события. У меня была стипендия 500 рублей и еще в а/я мне платили зарплату техника – 700. Так я стал москвичом.

Зачем с такими мелкими и маловажными подробностями я описал то, как я получил прописку, давшую мне право остаться на работу в Москве? Дело в том, что я получил ее только потому, что на Нину Максимовну в тот момент нашло какое-то затмение. Она не должна была соглашаться на мою просьбу. Как оказалось через некоторое время, когда я уже получил прописку и остался работать на Гольяновской улице, Нине Максимовне кто-то разъяснил, что теперь я имею право по закону на часть ее дома. Она пришла в ужас! Рассказала мне про все и обратилась с мольбой, чтобы я выписался. Но так получилось, что к этому времени я женился на девочке Зое из Библиотечного института, у которой была мама, жившая в Московской области недалеко от станции Чкаловская, если ехать с Ярославского вокзала.

Разумеется, я тут же перепрописался на жилплощадь Зоиной мамы, и мы с Зоей перебрались, но уже имея подмосковную прописку (что делало мою состоявшуюся работу в Москве законной), в другое место – там же в Подрезково на улице Пушкина.

Эта история с пропиской стала, пожалуй, самой фантастической на моем пути к созданию метода Dynamical Time Compression. Да, надо было еще попасть в Объединенный институт ядерных исследований и там – под крыло профессора М.Г.Мещерякова, а потом с его подачи оказаться в ЦЕРНе (Женева) и подружиться там с Николасом Кульбергом, помощником генерального директора ЦЕРНа по связям с Россией и Восточной Европой, через Н.Кульберга познакомиться с директором Института философии РАН (Москва) академиком РАН В.С.Стёпиным, наконец, встретить мою ставшую второй женой Людмилу, чтобы она освоила бухгалтерию и написала за один час с офицером по финансам ЦЕРНа меморандум о нашем сотрудничестве с ЦЕРНом, без чего нас не приняли бы туда. Вся эта длинная цепочка выстроилась исключительно под влиянием, по ощущению, какой-то *внешней иррациональной силы*. И первой в этом ряду стояла прописка в Подрезково в доме странно «ошибшейся» Нины Максимовны. Без чего все остальное не состоялось бы.

Так люди приходят к Богу, управляющему через исходящую от него силу судьбами людей.

Но было ли целью этой «силы», если принять, что она действительно есть и проявила себя – во что я не могу не верить, – создание только метода Dynamical Time Compression? Для чего я и был отправлен ею однажды – в октябре 1957 года – в Подрезково?

На этот вопрос у меня есть ответ – нет. И возможно, что еще одна цель была даже выше, чем создание указанного метода. С этой «целью» я связываю мои исследования в вопросе о том, где живет дух победы на Куликовом поле в 1380 году. И буду утверждать, что этот дух живет здесь – в Подрезково, куда меня привела дорога, начатая с наполненной необъяснимым страхом (он приходит, чтобы остановить слабых?) поездки на трамвае № 37 от остановки Лефортовский вал на Ленинградский вокзал в конце ноября 1960 года. О чем я рассказал выше.

На эти исследования у меня ушло 40 лет. Я много раз приезжал сюда, в овраг с речкой Сходня около поселка Подрезково, даже снимал здесь еще раз дом. А потом вдруг, это было в 1996 году, *увидел все* – гавани, вырезанные искусственно в береге речки, прекрасно сохранившуюся дорогу в сторону реки Клязьмы, десять выкопанных овражков сбоку ведущего в сторону к Клязьме оврага, где собирали мыт, и другое. Помимо этого собирались и сохранялись в голове отрывочные сведения, прочитанные (Иван Забелин) или услышанные то там, то здесь. И в конце концов я стал любителем-историком, который – подобно открывшему «Трою» немцу Генриху Шлиману – сделал свое похожее открытие, связанное с победой русского войска под руководством Дмитрия Донского над войском Золотоордынского хана Мамай на Куликовом поле. И вписал это в свое видение Русской истории, отрывок из которой привожу здесь, в виде идущего ниже текста.

Страницы из Русской истории – из книги автора «Лунный город» (М.: 2019. – 290 с.)

Принятое Киевской Русью в X веке православие привело к замене жестокого языческого Бога войны Перуна на мягкого Иисуса Христа. Вдохнув этим дух свободы в сердца воинов. И киевское войско начинает

побеждать везде и всегда. Последняя битва на этом этапе героической истории Киевской Руси состоялась при великом киевском князе Ярославе Мудром в 1036 году, когда были разбиты напавшие на Киев печенеги.

Врагов больше нет, и таланты уходят из армии. Наступает расцвет культуры Киевской Руси, охваченной открывающим двери к творчеству пьянящим духом свободы. Он же – опасности, когда ведущая к творческому индивидуализму личная (космическая) свобода захватывает еще и тех, кто должен стоять на страже государства.

Так наступил раскол между княжествами в Киевской Руси, что после смерти Ярослава Мудрого (1054 год) привело к трагическим событиям, связанным с нашествием появившихся словно из-под земли тюрков-половцев. Сплоченные их ханами жестокие воины, они стали поработать разрозненные киевские земли.

Так проходят десятилетия унижения и потери чести. Пока не появился великий киевский князь Владимир Мономах, правивший в Киеве с 1113 по 1125 годы, когда половцы «поприжали уши». Но он знал, что его сын, вошедший в историю как Юрий Долгорукий, удержать половцев не сможет. И он наказывает ему организовать раскол в среде киевских руссов и увести тех, кому дороги честь и свобода, на тысячу километров на северо-восток, под защиту лесов и болот, непроходимых для скачущих на конях степняков-половцев. Где был основанный им город Владимир. Так происходит исход из Киева будущих русских, когда Юрий Долгорукий стал великим киевским князем в 1155 году. Они уходили в Ростово-Суздальское княжество, которое после смерти Юрия в 1157 году стало Владимирским – по принятому решению сына Юрия, первого великого владимирского князя Андрея Боголюбского. (В 1169 году его войско разгромило ставший враждебным Киев.)

Этот исход был настолько драматичным, что уходившие из Киева руссы даже поставили крепость на пути в свои новые Ростово-Суздальские земли. Ею стала Москва, когда на заросшем лесом Боровицком холме на берегу Москва-реки была построена в 1156 году Андреем Боголюбским первая московская крепость. Будущий Кремль.

Не все из рассказанного можно найти в трудах историков-профессионалов. Но дальше будет еще интереснее. И первым вопросом станет – как, на какие средства Владимирское княжество смогло стать огромной Россией? Это связано с 4-м Крестовым походом, состоявшемся в 1202–1204 годах. Тогда у крестоносцев не было средств, чтобы нанять корабли у процветающей в торговых делах Венеции и переправить их войско в Египет, откуда они могли дойти до Иерусалима, чтобы освободить Гроб Господень от мусульман. И они пошли на обман, подписав с дожем Венеции Энрико Дандоло предложенный им договор на 85 000 франков серебром (которых не было). Дандоло, имевший у крестоносцев своих шпионов, знал, что денег нет. Но договор с командором Бонифацием Монферратским подписал, чтобы «сделать из крестоносной глупости торговую операцию».

Отплыли, заночевали на одном острове, а утром оказалось, что кораблей – нет. И тогда Дандоло предложил перевезти войско крестоносцев бесплатно, но за это они должны были после взятия Иерусалима уничтожить Константинополь и открыть путь венецианским кораблям в Черное море. Чтобы оттуда плавать по Днепру и Волге по торговым делам в сказочно богатую Персию, лежащую за Каспийским морем. Так все и произошло.

И с 1204 года итальянские торговые корабли стали плавать в Персию. Одним из двух перевалов по суше на этом пути стала Москва. Где стали собирать налоги, которые тогда назывались – мыт. Отсюда город Мытищи.

Так маленькая Москва, тогда небольшой городок-крепость во Владимирском княжестве, стала собирать «ну очень большие» деньги. Которые (деньги), как известно, имеют одну особенность – «прилипать».

Это с этих огромных денег (других таких по размеру у Владимирского княжества, скорее всего, и не было) стали платить 10-процентный «выход» хану Батью, когда после похода в 1237–1238 году его войска наступило время монголо-татарского ига. И тут я хочу рассказать про святого князя Александра Невского. Его военные подвиги, связанные с победами над шведами на Неве в 1240 году и над немецкими рыцарями в 1242 году, всем известны. Но я хочу рассказать здесь про другое. Он сумел так понравиться своей службой хану Батью (помимо побед, положенных к ногам хана как победы и над его врагами, он, как известно – и это осуждается нашей либерально настроенной частью историков, – мог ползать на коленях перед властелином), что тот дал ему право самому собирать 10-процентный «выход». И с этого момента у московских князей появляются откуда-то берущиеся большие неучтенные татарами средства. Которые пошли не на покупку дворцов (здесь я кидаю камешек в огород олигархов нашего времени), а на святое дело – будущее спасение Руси от монголо-татарского ига.

Так продолжалось, наработывая опыт сокрытия части денег от татар, до времени, предшествовавшего битве на Куликовом поле в 1380 году. В 1350 году родился московский князь будущий Дмитрий Донской. И это в его молодые годы в Москве появился опытный в торговых и денежных делах грек Ховра. Его предложением стало – создать на пути перевала по суше из Мытищ до реки Клязьмы подрезающий главную дорогу второй, он же тайный, путь. Так на этом пути появился постоянный двор Ховрино (где задерживали татарского баскака-контролера, чтобы успеть замести следы дальше, в «развилке») и поселок на Клязьме, названный Подрезово.

Получив успех с увеличением добычи этим путем денег от мыта с неучтенных товаров, это же решение было воспроизведено вдали от Москвы – там где теперь, если ехать через другое Ховрино, находится город Сходня и поселок Подрезково. Где что-либо контролировать было вообще невозможно. И это там были собраны уже настолько большие средства, что можно было планировать дать бой татарам. В 1380 году этот бой был им дан.

Потомки Ховры остались на Руси и стали служить великим князьям. Один из них стал казначеем великого князя Ивана III (это надо уточнить) и получил титул боярина Головина. В Москве есть районы Ховрино и Головинский.

При Иване III после освобождения в 1480 году от монголо-татарского ига сбор мыта был возвращен в Мытищи.

Без мистики произошедшего со мной в Подрезково, что я связываю с живущим в овраге с речкой Сходня духом победы на Куликовом поле, не было бы создано метода Dynamical Time Compression.

Во всяком случае, хочется в это верить.

Река Сходня между городом того же названия (находится слева) и поселком Подрезково. Справа находится невидимый отсюда ручей – место тайного выхода в сторону Подрезкова. Из этого оврага от реки Сходня в сторону реки Клязьма идут две параллельные дороги – главная официальная и подрезающая ее (скрытная от татарских контролеров-баскаков). Это здесь, в овраге, по мнению автора, живет дух победы на Куликовом поле (1380 год).

(Фото Юрия Бабича. 2004 год.)

Русская женщина из XIII века.
(Рисунок Петра Гусева)

Преподобный Сергей Радонежский и московский князь Дмитрий Иванович (будущий Донской) перед битвой на Куликовом поле.

Преп. Сергей призывал молиться перед иконой Богородицы. Что означало обращение за поддержкой к женскому началу, главному во Вселенной, и к тому же напрямую (без посредников). Отказавшись от предложенного ему сана митрополита, он тоже стал лично свободным и, таким образом, мог находиться в непрерывной связи со Вселенной, которая тогда только по-настоящему «разговаривает» с человеком, указывая путь красивых решений, когда он всегда активно ждет это. Но это возможно только для простого человека. Поэтому все русские гении – это простые люди. На этом, ставшем русским космизмом, основан и наш метод динамического сжатия времени.

(Рисунок Петра Гусева)

Приложение

В приложении представлены документы из книги – Владимир Шкунденков «Лунный город» (М.: 2019. – 290 с.):

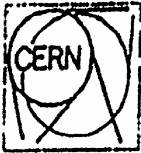
1. Меморандум от 27 апреля 2006 года за подписью помощника генерального директора ЦЕРН (Женева) по связям с Россией и Восточной Европой, почетного доктора МИФИ (Москва) Николаса Кульберга (Nicolas Koulberg) о внедрении В.Н.Шкунденковым подхода по управлению сжатием времени. На меморандуме стоит виза «Поддерживаю» директора Института философии РАН (Москва) академика В.С.Стёпина и профессора В.И.Аршинова.

2. Статья – Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Владимир Шкунденков «Иррациональное управление сжатием времени». (На русском и французском языках.)

Статья посвящена созданию метода Dynamical Time Compression.

3. Меморандум от 18 сентября 2019 года за подписью президента Академии российской словесности и изящных искусств имени Г.Р.Державина (Санкт-Петербург) профессора Е.П.Раевского и вице-президента профессора В.Г.Орешкина.

В меморандуме представлено предложение о вынесении на обсуждение метода Dynamical Time Compression, превзошедшего по эффективности подход по управлению выполнением сложных проектов Василия Леонтьева (Wassily Leontieff), американского экономиста, лауреата Нобелевской премии за 1973 год.

ORGANISATION EUROPEENNE POUR LA RECHERCHE NUCLEAIRE
EUROPEAN ORGANIZATION FOR NUCLEAR RESEARCH

Laboratoire Européen pour la Physique des Particules
European Laboratory for Particle Physics

GENEVE, SUISSE
GENEVA, SWITZERLAND

Mail address: CERN, PS Division
CH-1211 GENEVE 23
Switzerland

Telex / Telex: 419000 CER CH
Télégramme/Telegram: CERNLAB-GENEVE
Téléphone/Telephone:
Direct: +41 (22) 767 7320
Central/Exchange: +41 (22) 767 6111
E-mail: Nicolas.Koufberg@cern.ch

Женева, 27.04.2006

Эффект нелинейности времени
(Эксперимент в ЦЕРН, Женева, Швейцария)

Работы по модернизации административных информационных систем ЦЕРН были начаты в 1986 году по инициативе Джона Фергюсона. В 1990 году распоряжением директора ЦЕРН стартовал проект создания передового комплекса систем информационной поддержки (Advanced Informatics Support), руководителем которого был назначен Дж. Фергюсон.

Сотрудничество между ЦЕРН и ОИЯИ (Дубна, Россия) по созданию административных информационных систем ведется с 1994 года. С 1995 года при выполнении этих работ применяется подход, предложенный В.Н. Шкунденковым. Суть подхода заключается в комбинировании «традиционного» аналитического пути, при котором все потенциальные требования включаются в систему в процессе разработки, с используемым широко в культуре России путем поиска красивых простых решений, позволяющем быстро создавать действующее ядро системы на основе первоначального исключения всего того, что можно не делать. Последнее позволяет значительно сокращать затраты времени как на выполнение работ на первом этапе в процессе создания ядра системы, так и на последующих этапах в процессе наращивания возможностей ядра до полноценной системы.

Впервые такой комбинированный подход был применен при создании системы контроля финансовой информации (Budget Holders Toolkit) в 1995 году, что позволило завершить работу всего за два месяца вместо планировавшихся 1,5–2 лет. В последних разработках сокращение затрат времени («сжатие времени») как эффект нелинейности времени на философском языке) на выполнение работ приближается к 100-кратному.

Вышеописанный подход был использован при разработке:

- системы финансового контроля;
- системы работы с информацией по персоналу;
- системы электронного документооборота,

являющихся частью высокоэффективного комплекса административных информационных систем ЦЕРН.

Никола КУФБЕРГ

помощник генерального директора ЦЕРН по связям с Россией и Восточной Европой

Поздравляю В. С.
11.05.2006 (В. Г. Степанов)
В.Н. Арцивинцев
В.А. Васюков

Иррациональное управление сжатием времени

(Эксперимент в ЦЕРН, Женева, с диалогом русской культуры и культур Запада)

В вопросе управления эффективностью творческой деятельностью человека выделяются имена экономистов англичанина Джона Кейнса (John Keynes) и русского американца Василия Леонтьева (Wassily Leontief). Оба обратили внимание на проявление иррационального (не подчиняющегося строгим законам) в управлении экономикой.

Заслугой Кейнса при этом является введение понятия о макроэкономике, о развитии экономики в длительном периоде с учётом непредсказуемости этого процесса из-за участия в нём «непредсказуемого» человека с его проявлением в бизнесе низменных интересов. Для устранения неизбежных при этом провалов в ходе развития экономики он предложил оказывать поддержку в кризисных ситуациях со стороны государства. Для чего у государства должны быть всегда необходимые резервы.

Он выступал за необходимость гармоничного развития экономики в пространстве международного сотрудничества. Что говорит о его понимании существования смысла деятельности человека за пределами его личных эгоистических устремлений. Что так и не было принято человечеством по достоинству. Но что сближает его идеи с нашим подходом по управлению временем на основе иррационального поиска красоты.

Ставший в 1973 году нобелевским лауреатом Леонтьев разработал систему матричного управления экономикой, основанную на математических моделях понятия о «затратах – выпуске» в многомерном пространстве управления экономикой взаимосвязанных производств, а также в создании метода пошаговой динамичной реализации проектов с учётом непредсказуемости проявлений творческого процесса. Последнее предполагает отказ от линейного выполнения намеченного в проектах, с заменой хода выполнения на ломанный пошаговый процесс, с остановками после выполнения очередного этапа и анализом реально достигнутого – для того чтобы скорректировать выполнение следующего шага. Это здесь «работает» применяемая в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева, Швейцария) заимствованная из американского опыта система EVM – управления выполненной стоимостью.

Разработанный Леонтьевым подход по динамичной реализации проектов нашёл широкое применение. Тем не менее он оказался всё ещё далеким от завершённости. Так, реальность, связанная с эффективностью выполнения сложных проектов, такова, что, по статистике, только около 10 % проектов выполняются успешно, ещё 50 % выполняются, но с большими потерями (условно говоря, с 3-кратными по затратам), а оставшиеся 40 % – это провалы.

Можно сказать, что развиваемый нами подход по управлению сжатием времени является развитием динамического подхода Леонтьева к реализации проектов. При том что у нас есть общее во взглядах (подходе) со взглядами обоих названных экономистов – Кейнса и Леонтьева. Это – признание иррационального (оно же непредсказуемое) в практической деятельности человека. Вместе с тем, наш подход основан на исследовании природы иррациональности в действиях человека-творца и в разработке технологии эффективного применения результатов этих исследований. Главное в нашем подходе – направить проявление иррационального в творчестве человека не на низменное, а на – высокое. Что мы связываем с поисками *красоты*.

В своих исследованиях мы решаем две задачи (что не даёт подход Леонтьева):

- обеспечения гарантированно близкого к 100 % успеха с выполнением проектов;
- сокращения затрат времени («сжатия времени» – на языке философии), на практике – *на порядок и больше* при выполнении сложных научных разработок (на самом деле наш подход применим не только в научных разработках, он применим везде – в любой деятельности человека).

Решение первой из этих двух задач связано с выполнением условия создания на самом раннем из возможных этапов разработанного проекта уже пригодного для применения ядра создаваемой системы, с вводом его в эксплуатацию. После чего это ядро наращивается, шаг за шагом (по одному шагу), с соблюдением главного требования – после каждого шага развиваемая система должна находиться в эксплуатации. Что и гарантирует 100-процентный успех в реализации всего проекта при минимальных затратах на его выполнение.

Минимизация затрат во времени – мы переходим к обсуждению второй из поставленных задач – связывается с выполнением условия: *не делать ничего, что можно не делать*. Это правило является применением «гуманитарной технологии», основанной на интерпретации «отрицательного» (апофатического – *по-греч.*) поиска проявлений управляющего начала в культуре православия. А именно: при поисках доказательств существования Бога надо отбросить всё, что Богом являться не может. Тогда останется как самое главное – Красота (как об этой тайне с большой буквы говорил ещё Платон в IV веке до н.э.). «Не делать ничего, что можно не делать» как подход, сводящий к минимуму затраты при создании ядра, является *красивым* решением. Так мы приходим к конвергенции естественно-научного и гуманитарного знания. Того что было накоплено человечеством в течение тысяч лет на пути независимого развития науки, базирующейся на рациональном разуме человека, и иррационального в религиозных поисках человеком своего предназначения во Вселенной.

Наряду с сокращением затрат времени на пути «не делать ничего, что можно не делать», стоит ещё и не менее важная задача поисков того, *а что надо сделать?*

В этом вопросе человек должен опираться на знания. Но все ли знания верны? Если при создании системы (что мы начинаем с создания её ядра) допустить применение хотя бы одного неверного знания, то успеха не будет. Чтобы этого не случилось, мы включаем в «арсенал» наших правил самую аристократическую мысль за всю историю человечества – о свободе духа: *не верить ни единому слову*.

Этому «правилу» от 4000 до 5000 лет, и найдено оно было в жреческой среде Древнего Египта (по другой версии – Вавилона). На пути его применения были рождены Ветхий Завет, Новый Завет и Коран. Но оно же является и самым опасным – это за отказ верить, например, слову Римского Папы в Средние века можно было попасть на костёр. Но именно это правило является базовым в «загадочной» русской культуре и связывается с «русским космизмом». Это то, что создаёт особую привлекательность в русской культуре, дополняя своей *чистотой* проявление более высокой энергии человека, погружённого в Западные культуры.

А мы сочетаем в наших исследованиях управления сжатием времени (сокращением затрат времени) оба этих направления – энергию Запада и поиски истины-красоты в пространстве абсолютно свободного духа в русской культуре. Что доступно, однако, далеко не всем и связано с ответом о смысле жизни. О чём – ниже.

Технология управления сжатием времени

Применение развиваемого нами подхода по сокращению затрат (сжатию) времени в 10 и более раз и обеспечению 100-процентного успеха при выполнении проектов опирается на работающую на практике гипотезу о том, что творчество человека распределено между ним и *чем-то над ним* (назовем эту надбиологическую, как её обозначает в своих трудах академик-философ Вячеслав Семёнович Стёпин, то есть вне человека субстанцию духом-интеллектом). Причём главным в этом процессе является не человек, а именно – дух. Это там, вне человека, происходит процесс поисков как *новых* решений, так и – вслед за этим (с задержкой во времени) – поисков *красоты*.

Отсюда первое «правило» в предлагаемой нами работающей на практике технологии – *не спешить*. Ждать, когда то или иное решение снизойдёт от духа-интеллекта на человека

в виде улавливаемого настроения (поговорка: «Утро вечера мудренее»), и верить в это («Всё приходит к тому, кто умеет ждать» – Лев Толстой). «Держа вожжи» надежды и веры *молча и в сосредоточенности* (православный исихазм, сложившийся в XIV веке трудами греческих монахов в монастыре на Афоне – Григория Паламы и других), перекрывая временем (стоицизмом во времени) протестантскую (самую интересную культуру для сочетания с русской культурой) «власть воли».

При этом человек должен быть всегда активным («Под лежащий камень вода не течёт»). Но уж если настроение снизошло, то – вне зависимости от того, когда это произошло, – вступает в силу требование тотчас «идти в наступление».

Именно тотчас, а не по заранее намеченному плану (как это принято в протестантской культуре). Даже если мысль или настроение пришли ночью. И если введение подхода со сжатием времени стало важным шагом на пути развития методологии Леонтьева, то последнее замечание позволило поднять наши исследования на ещё большую высоту, сделав наш подход методом динамического сжатия времени – Dynamical Time Compression. Что возможно только в пространстве русской культуры.

Исследования по управлению сжатием времени опираются на русскую культуру, которая вобрала в себя культуру православия с её установкой о смысле жизни человека: *смысл жизни лежит вне жизни. Иначе – в служении неземному.*

К этому призывает и институт церквей. Но ни одна Церковь, в том числе Русская Православная Церковь, не способна согласиться с используемой нами «концепцией свободы духа»: *не верить ни единому слову. Это является «камнем преткновения» также для более чем 99 % учёных* – от простых научных работников до академиков.

«Загадка» русской культуры

Обратимся в заключение к самому сложному и интересному в наших исследованиях, связанному с иррациональными поисками «красоты» в пространстве русской культуры. По существу, это может быть обозначено как обращение к поэзии на пути технического творчества.

Точно так же как поэтическое творчество не может выполняться «по заказу» или по расписанию, так и в научном творчестве, ориентированном на поиски *красоты*, нет никаких правил во времени в вопросе нисхождения настроения. К этому надо быть всегда готовым (верить в это) и немедленно реагировать на снизошедшее настроение. И самое интересное в этом процессе то, что под настроение можно *увидеть* будущее. Это совсем несложно: оно должно быть *красивым*. Но это можно только *увидеть*.

Возможно, это останется навсегда принадлежащим исключительно русской культуре, ориентированной на устремлённость к Красоте. Это, похоже, та тайна, в которой заложены победы «божественной красоты» над мужским началом.

О простоте и элегантности в информационных разработках (Эксперимент в ЦЕРН, Женева, с диалогом русской культуры и культур Запады)

В 1995 году в работы в ЦЕРНе по созданию административных информационных систем (AIS-систем – от Administrative Information Services) Владимиром Шкунденковым был внедрён метод сжатия времени, основанный на русской культуре. В основе этого метода лежит устремлённость к поискам *красоты*. Именно красоты в её космическом восприятии в русской культуре в отличие от применяемого в западных культурах поисков не собственно красоты, а «красивого». Что связывается с простотой и элегантностью, отражая западный аналитический менталитет в вопросе выполнения научных разработок.

В этом направлении (достижения простоты и элегантности, а не поисков иррациональной красоты, что сложно для Запады) в ЦЕРНе был адаптирован русский подход по управлению сжатием времени. Это вело к некоторому снижению эффективности от применения метода, но вместе с тем значительно упрощало технологию его применения.

Как результат, в конце 1995 года при создании с применением такого подхода системы Budget Holder's Toolkit (контроля финансов) вместо планировавшихся на выполнение этих работ 1,5–2 лет затраты времени составили всего 2 месяца.

А затем на этом подходе были созданы со сжатием затрат времени в 10 и более раз система учёта кадров, электронный документооборот и другие системы, которые были объединены в интегрированный комплекс и использованы для обеспечения прозрачности выполнения работ по созданию в 1996–2009 годах Большого адронного коллайдера (Large Hadron Collider).

Литература

1. В.Н. Шкунденков. Сканирующий автомат типа АЭЛТ-1 для ядерно-физических и прикладных задач. а) ОИЯИ, 1078, Дубна, 1979; б) CERN, Trans. 79-02, Geneva, 1979.
2. Н.Н. Кульберг, В.Н. Шкунденков. Иррациональное управляющее начало в научных исследованиях и разработках. а) Ротапринт МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: 1999 (заказ № 14). – 9 с. б) Философские исследования (изд-во Московского философского фонда). – М.: 2000 (№ 4).
3. Р. Кайо (R. Cailliau), Н. Кульберг (N. Koulberg), Р. Титов, В. Шкунденков. A moderated Collaborative Web Community. – Философские исследования (изд-во Московского философского фонда). – М.: 2001 (№ 4).
4. В.Н. Шкунденков. Нелинейность времени. // Синергетическая парадигма. 3-й сб. – М.: 2003. – Стр. 561–583.
5. Владимир Шкунденков. Time Compression / Русско-английский эксперимент по управлению временем. – М.: 2007. – 286 с.
6. Владимир Аршинов, Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Джеймс Пурвис (James Purvis), Владимир Шкунденков. Антропокосмическая модель Вселенной. – М.: 2008. – 260 с. Книга представлена в Интернете.
7. Владимир Шкунденков. Человек и Вселенная (памяти профессора М.Г. Мещерякова). – М.: 2010. – 60 с. Книга представлена в Интернете.
8. В.С. Стёпин. Цивилизация и культура. – СПб: 2011. – 408 с.
9. Владимир Аршинов, Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Владимир Шкунденков. Управление сжатием времени и Большой адронный коллайдер. – М.: 2015. – 80 с.
10. В.И. Аршинов (Институт философии РАН, Москва), В.Н. Шкунденков (Объединённый институт ядерных исследований, Дубна). Нелинейность времени в контексте мышления в сложности. (Nonlinear time in the thinking in complexity.) Труды VII Российского философского конгресса. Уфа–2015.

P.S. Обсуждение статьи в ЦЕРНе вызвало проблему с пониманием того, что означает «русский космизм». Проблема не новая, ещё в XIX веке понятие «космического одиночества» как характерной черты в природе русского человека отстаивал историк Василий Осипович Ключевский в споре с писателем Фёдором Михайловичем Достоевским, который в своих произведениях отметил в русских только соборность (коллективизм). И это при том, что для себя он написал: «Подпольный человек – главный человек в русской жизни». Что особенно важно в нашем разговоре про русский космизм. Это путь абсолютной свободы, без чего не найти истинную красоту. Только ты – личность-бог – и Бог. И никого между вами – ни Римского Папы, ни Патриарха, ни Слова Библии (как у протестантов), ни каких-либо более «мелких» субъектов – академиков, начальников и так далее. Что ведёт ищущего красоту к другой проблеме: «В своих отечествах пророков не бывает».

La gestion irrationnelle de la compression du temps

(Une expérience menée au CERN, Genève, un dialogue entre les cultures russe et occidentales)

Dans le domaine des recherches en vue d'une utilisation efficace de l'esprit créateur dans les activités humaines, deux noms en particulier peuvent être retenus, celui de l'économiste anglais John Keynes et d'un américain, d'origine russe, Wassily Leontief. Ils ont tous les deux prêté une attention particulière à la manifestation de l'irrationnel (ce qui n'est pas soumis à des règles strictes) dans la gestion de l'économie.

Le mérite de Keynes est d'avoir introduit le concept de macroéconomie, un développement de l'économie sur une longue période qui prend en compte l'imprévisibilité de ce processus, dû à la participation dans celui-ci de l'être humain, par nature imprévisible, qui manifeste dans ses activités professionnelles des intérêts terre à terre. Pour éviter les échecs lors du développement de l'économie, il a proposé une intervention de l'Etat dans les situations de crise et pour ce faire, l'État doit donc toujours être en possession de réserves indispensables.

Keynes plaide pour la nécessité d'un développement harmonieux de l'économie dans un contexte de collaboration mondiale. Ce qui met en évidence sa compréhension de l'existence d'un sens à l'activité de l'homme au delà des intérêts personnels égoïstes de celui-ci. Ces idées qui n'ont toujours pas trouvé d'approbation se retrouvent en partie dans notre approche de la gestion du temps basée sur la recherche irrationnelle de la beauté.

Leontief, lauréat du prix Nobel en 1973, a développé un système de gestion de l'économie à l'aide de matrices basées sur les modèles mathématiques de la notion de l'«input-output» dans un espace multidimensionnel de la gestion par l'économie des productions interdépendantes. Ainsi, dans la création de la méthode de la réalisation dynamique séquentielle des projets il tient compte de l'imprévisibilité de la manifestation du processus créatif. Cette dernière propose de rejeter la réalisation des projets de manière linéaire au profit d'une approche séquentielle non linéaire avec des pauses après l'accomplissement de chaque nouvelle étape et l'analyse du résultat réellement obtenu dans le but de corriger la marche à suivre pour l'étape suivante. C'est ici que s'applique le système EVM – la gestion de la valeur acquise, emprunté à une expérience américaine et utilisé par l'Organisation Européenne pour la recherche nucléaire (CERN, Genève, Suisse).

L'approche dynamique de la réalisation des projets, élaborée par Leontief, a trouvé une large application. Cependant, elle est encore loin d'être parfaite. En réalité, selon les statistiques, seulement 10% des projets difficiles sont réalisés avec succès, encore 50% sont réalisés mais avec de grandes pertes (avec un coût 3 fois plus élevé que prévu), les 40% restants échouent.

Notre approche de la gestion de la compression du temps peut-être interprétée comme une continuité de l'approche dynamique de la réalisation de projets de Leontief. Cependant, elle partage des similarités de point de vue avec les deux économistes cités plus haut : Keynes et Leontief. Celles-ci consistent dans l'acceptation de l'irrationnel (ou encore de l'imprévisible) dans l'activité pratique de l'homme. De plus, notre approche est basée sur des études de la nature de l'irrationalité dans les actes de l'humain-créateur et dans le développement de technologies pour une utilisation efficace des résultats de ces études. L'important dans notre méthode est d'orienter la manifestation de l'irrationnel dans la créativité de l'homme non plus dans les domaines terre à terre mais vers des buts plus élevés. Nous lions ceci à la recherche de la *beauté*.

Dans nos études, nous résolvons deux problèmes (que ne traite pas Leontief) :

- Une obtention certaine d'un taux de succès proche des 100% lors de la réalisation de projets;
- Une réduction de dépenses en temps (« la compression du temps » en philosophie), de *deux fois ou plus* lors de réalisation d'élaborations scientifiques complexes (en réalité, notre

approche ne se limite pas qu'au domaine scientifique, elle est utilisée partout – dans toutes les activités humaines)

La solution du premier problème est liée à la création, à la toute première des étapes du projet, d'un noyau du futur système et de la mise en service de celui-ci. Par la suite, ce noyau est augmenté étape par étape (une à la fois), compte tenu de l'impératif principal ; après l'implémentation de chaque nouvelle étape, le système doit rester en exploitation. Cela offre une garantie de 100% de réussite lors de la réalisation du projet dans sa totalité tout en ayant un coût minimal.

En ce qui concerne la seconde des deux tâches, la minimalisation des pertes de temps est liée à une condition : ne pas faire tout ce qui peut ne pas être fait. Ce principe est une application de la « technologie humanitaire » basée sur l'interprétation « négative » (apophatique en grec) de la recherche des manifestations de l'entité dirigeante de la culture orthodoxe. Plus précisément : en essayant de prouver l'existence de Dieu, il faut rejeter tout ce que Dieu n'est « pas ». Ce qui restera après ce filtrage, est la Beauté (cette « Beauté » avec un grand B se retrouve dans les discours de Platon déjà au IV siècle av J.-C.). « Ne pas faire tout ce qui peut ne pas être fait » est la belle solution pour réduire au minimum les coûts lors de la création du noyau du système. Nous arrivons ainsi à la convergence entre les sciences naturelles et les sciences humaines, tout ce qui a été accumulé par l'humanité sur une durée de milliers d'années lors du développement indépendant de la science, basé sur l'apport rationnel de l'esprit humain et sur l'irrationnel de la recherche religieuse du sens à l'existence de l'homme dans l'Univers.

En plus de la réduction des coûts en temps lors de l'application de la règle « ne pas faire tout ce qui peut ne pas être fait », reste encore à définir ce qui *doit être FAIT* ?

Pour répondre à cette question, l'homme doit s'appuyer sur les connaissances. Mais est ce que toutes les connaissances sont justes ? Lors de la création d'un système (que nous commençons par l'élaboration d'un noyau), si, ne serait-ce qu'une des connaissances s'avère erronée, il n'y aurait pas de réussite. Pour éviter cette situation, nous intégrons à nos principes l'idée la plus aristocratique de toute l'histoire de l'humanité, celle de la liberté de l'esprit: *ne croire aucun mot de ce qui est dit*.

Cette règle est vieille de 4000 ou 5000 ans, elle a été découverte dans le milieu sacerdotal de l'Égypte Ancienne (ou de Babylone d'après une autre version). L'Ancien Testament, le Nouveau Testament et le Coran ont été créés selon ce principe. Il est aussi le plus dangereux – le refus de croire le mot du Pape au Moyen Age était châtié de peine de mort. Cependant, c'est cette règle qui est la base de la « mystérieuse » culture russe, profondément liée à une perception cosmique. C'est ce concept qui rend la culture russe particulièrement attrayante et qui complète par sa *pureté* la manifestation d'une énergie plus élevée chez l'homme immergé dans les cultures occidentales.

Dans nos recherches sur la gestion de la compression du temps (diminution des dépenses en temps) nous combinons ces deux courants – l'énergie de l'Occident et une recherche de vérité-beauté dans un espace de liberté absolue de l'esprit dans la culture russe. Cependant, ce concept n'est pas accessible à tout un chacun. Il est lié à la réponse qu'on donne au sens de la vie.

La technologie de la gestion de la compression du temps

Notre approche qui consiste à diminuer les coûts en temps de dix fois et plus et à obtenir les 100% de réussite lors de la réalisation de projets se base sur une hypothèse fonctionnelle qui postule que la créativité de l'homme est partagée entre lui et ce qui se trouve *au dessus de lui* (nous appellerons cette substance supra-biologique, comme la décrite dans ses œuvres l'académicien et philosophe Vyacheslav Styopin, c'est-à-dire extérieure à l'être humain, l'esprit-intellect). Il est important de noter que l'opérateur central de ce processus est bien l'état d'âme . La recherche de *nouvelles* solutions et (avec un décalage dans le temps) de la *beauté* surviennent donc en dehors de l'homme.

Suite à ce qui précède, la première règle de notre technologie pratique est de *ne pas se précipiter*. Il faut attendre que la solution soit transmise de l'esprit-intellect à l'homme sous

forme d'humeur créatrice (d'où le proverbe : « La nuit donne conseil ») et croire que cette humeur viendra (« Tout vient à point à qui sait attendre » – Leo Tolstoy), « En tenant les reines » de l'espérance *dans le silence et avec concentration* (hésychasme orthodoxe, apparu au XIVe siècle au monastère du Mont Athos avec les œuvres des moines grecs comme, entre autres, Grégoire Palamas) et en primant en temps (par le stoïcisme dans le temps) le « pouvoir de la volonté » de la culture protestante (qui est la culture la plus intéressante à combiner avec la culture russe).

L'homme est censé toujours rester actif (« Qui ne tente rien n'a rien »), mais si l'humeur apparaît et se fait sentir, il doit immédiatement « passer à l'offensive ». Au moment même où cela arrive arrive, et non pas en suivant le plan préétabli (comme nous le dicte la culture protestante), même si la pensée ou l'humeur nous viennent durant la nuit. Si l'introduction de l'approche de la compression du temps a été une étape importante dans le développement de la méthodologie de Leontief, la dernière remarque a permis d'élever nos recherches à une hauteur encore plus importante, en aboutissant à la méthode de la compression dynamique du temps – Dynamical Time Compression. Ce qui est possible uniquement dans l'espace de la culture russe.

Les recherches sur la gestion de la compression du temps se fondent sur la culture russe qui a absorbé la culture orthodoxe avec son explication du sens de la vie de l'homme : *le sens de la vie se situe au-delà de la vie*, ou encore le sens de la vie est de *servir le surnaturel*.

Les Eglises le promeuvent aussi, mais aucune des Eglises, dont l'Eglise Orthodoxe Russe, ne peut accepter la conception de « liberté d'esprit » que nous utilisons, celle de *ne croire aucun mot de ce qui est dit*. Cette conception est aussi la pierre d'achoppement pour plus de 99% des scientifiques – des simples chercheurs aux académiciens.

Le « Mystère » de la culture russe

Pour conclure, référons-nous à la plus complexe et intéressante partie de nos recherches. Elle concerne la quête surnaturelle de la « beauté » dans l'espace de la culture russe. Dans les faits, ceci peut-être décrit comme l'appel à la poésie sur la voie de la créativité technique.

De la même manière que la poésie ne peut-être créée « sur demande » ou selon un horaire prédéfini, pour la créativité scientifique orientée sur la recherche de la *beauté*, il n'existe pas de règles temporelles dans la question de l'apparition de l'humeur. Il faut toujours y être prêt (et y croire) et réagir immédiatement si l'humeur apparaît. Le plus intéressant dans ce processus est que selon l'humeur, il est possible de *voir* l'avenir. Ce n'est pas du tout difficile : l'avenir doit simplement être *beau*, mais ceci on ne peut que le *voir*.

Il se peut que cette connaissance reste à jamais en possession exclusive de la culture russe, orientée sur l'aspiration à la Beauté. Peut-être que c'est le mystère de la victoire de la « beauté divine » sur la masculinité.

La simplicité et l'élégance dans les développements de l'information

(Une expérience menée au CERN, Genève, avec un dialogue entre les cultures russe et occidentales)

En 1995, Vladimir Shkudenkov a implémenté la méthode de la compression du temps, basée sur la culture russe, dans les travaux sur la création des systèmes d'informations administratives (AIS-systèmes – Administrative Information Services) du CERN. Cette méthode est basée sur l'aspiration à la recherche de la beauté. De la beauté elle-même dans sa représentation surnaturelle qui en est faite par la culture russe et non pas la recherche de ce qui est « beau » qui est caractéristique des cultures occidentales. Ce qui est lié à la facilité et l'élégance tout en reflétant la mentalité analytique occidentale en matière de développements scientifiques.

Dans cette optique de recherche d'une réalisation simple et élégante que nous nommons ainsi plutôt que de l'appeler « recherche irrationnelle de la beauté », moins aisée à adopter en Occident, le CERN a adapté l'approche russe d'une gestion de la compression du temps, cela sans utiliser toute l'efficacité possible de cette méthode, mais en facilitant l'application.

Par conséquent, à la fin de l'année 1995, lors de la création du système Budget Holder's Toolkit (servant au contrôle des finances) avec l'application de la méthode mentionnée, au lieu des 1,5–2 ans prévus pour ce projet les dépenses en temps on constitués que 2 mois.

Par la suite, le système de la gestion du personnel, la gestion électronique des documents et d'autres systèmes encore ont été créés avec l'utilisation de la méthode de la compression du temps de 10 fois et plus. Ces systèmes ont été combinés dans un complexe intégré et utilisés pour assurer la transparence dans la création en 1996 –2009 du Grand collisionneur d'hadrons (Large Hadron Collider).

Bibliographie:

1. V.N. Shkundenkov. AELT-1 Scanning Machine for Nuclear Physical and Applied Tasks. a) JINR, 1078, Dubna, 1979; b) CERN, Trans. 79-02, Genève, 1979.
2. N.N. Koulberg, V.N. Shkundenkov. Irrational Management Principle in Scientific Research and Development. a) Rotaprint de l'université d'État Lomonossov de Moscou. – Moscou: 1999 (commande No. 14). – 9 p. b) Recherches philosophiques (bureau d'édition de la fondation philosophique de Moscou). – Moscou: 2000 (No. 4).
3. R. Cailliau, N. Koulberg, R. Titov, V. Shkundenkov. A Moderated Collaborative Web Community. – Recherches philosophiques (bureau d'édition de la fondation philosophique de Moscou). – Moscou: 2001 (No. 4).
4. V.N. Shkundenkov. Non-Linearity of Time // Synergetic Paradigm. 3ème collection. – Moscou: 2003. – p. 561–583.
5. Vladimir Shkundenkov. Time Compression / A Russian-English Experiment of Time Management. – Moscou: 2007. – 286 p.
6. Vladimir Arshinov, Nicolas Koulberg, James Purvis, Vladimir Shkundenkov. An Antropo-cosmic Model of the Universe. – Moscou: 2008. – 260 p. Le livre est disponible sur Internet.
7. Vladimir Shkundenkov. Man and the Universe (à la mémoire du professeur M.G. Mesheriakov). – Moscou: 2010. – 60 p. Le livre est disponible sur Internet.
8. V.S. Styopin. Civilization and Culture. Saint Petersburg: 2011. – 408 p.
9. Vladimir Arshinov, Nicolas Koulberg, Vladimir Shkundenkov. Time Compression Management and the Large Hadron Collider. – Moscou: 2015. – 80 p.
10. V.I. Arshinov (Institute of Philosophy of RAS, Moscow), V.N. Shkundenkov (Joint Institute for Nuclear Research, Dubna). Nonlinear Time in the Thinking in Complexity. Oeuvres du VII Congrès Philosophique Russe. Ufa – 2015.

Texte original russe traduit par Svetlana Titova, relu par Nicolas Koulberg.

P.s. Les discussions à propos de l'article au CERN ont soulevé le problème de compréhension du terme le « cosmisme russe ». Il ne date pas d'aujourd'hui, au XIXème siècle déjà, l'historien Vassili Klioutchevski défend le concept de la «solitude cosmique» comme étant une caractéristique de l'homme russe dans un débat sur ce point avec Fiodor Dostoevsky. Ce dernier, dans ces œuvres, met l'accent uniquement sur le collectivisme des russes et il a pourtant mentionné pour lui même que «L'homme souterrain est la personne la plus importante pour la Russie». Ceci est essentiel pour notre discussion sur le cosmisme russe car c'est le chemin de la liberté absolue, sans laquelle il est impossible d'atteindre la véritable beauté. Toi seulement – la personnalité-dieu – tu es Dieu et personne, ni le Pape, ni le Patriarche, ni la Bible (comme dans le protestantisme), ni d'autres sujets plus «petits» – les académiciens, les supérieurs et ainsi de suite ne peuvent s'intercaler dans ce système. Ce qui crée un autre problème pour le chercheur de la beauté car «nul n'est prophète dans son pays».

АКАДЕМИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ им. Г. Р. ДЕРЖАВИНА

199178, Российская Федерация,
Санкт-Петербург, 15-я линия
В.О., д.32, кв.17
Тел.: +7(921) 908-97-16,
+7(921) 441-75-84
www.arsii.ru

Исх. № 17-г

«18» сентября 2019 г.

**Президенту Российской академии наук
академику РАН А.М.СЕРГЕЕВУ**

**Директору Объединенного института
ядерных исследований (Дубна)
академику РАН В.А.МАТВЕЕВУ**

**Директору Института философии РАН (Москва)
академику РАН А.В.СМИРНОВУ**

**Профессору Оксфордского университета
Ю.В.ГАЛЬЦЕВУ**

Обращаемся к Вам от имени общественной организации Академия русской словесности и изящных искусств им.Г.Р.Державина (Санкт-Петербург), представляющей *независимую* науку, с предложением вынести на обсуждение вопрос о создании в Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН, Женева) основанного на русской культуре метода Dynamical Time Compression, представленного статьёй – Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Владимир Шкунденков «Иррациональное управление сжатием времени», опубликованной в журнале АРСИИ «Золотое слово» (№19, 2019г.), а также в журнале «Стратегия развития и национальная безопасность» (№16, 2018г.)

Метод Dynamical Time Compression основан на конвергенции естественнонаучного и гуманитарного знания. В его создании приняли участие специалисты Института философии РАН (Москва) академик В.С.Степин, профессор В.И.Аршинов и другие. Превзошедший по эффективности подход по управлению выполнением сложных проектов Василия Леонтьева (Wassily Leontieff), американского экономиста, лауреата Нобелевской премии за 1973 год, этот метод позволяет кардинально (на порядок и больше) сокращать затраты времени и средств при выполнении сложных научных разработок и проектов. Это подтверждается документами о его применении в ЦЕРНе.

Как показал эксперимент в ЦЕРНе, связанный с выполнением работ по созданию Большого адронного коллайдера (1996-2009 годы), сочетание метода Dynamical Time Compression с комплексом административных информационных систем (электронный документооборот, системы контроля финансов и кадров и другие) является инструментарием прорывного успеха в управлении самых сложных проектов.

Мы выходим с предложением о широком внедрении этого инструментария в науку и экономику России, а также об организации диалога про особую роль русской культуры в научном международном сотрудничестве.

Как показал эксперимент в ЦЕРНе, особый успех в применении метода Dynamical Time Compression достигается при обращении к основам русской культуры с её русским космизмом (К.Э.Циолковский), ориентированном на поиски *красоты* (на Западе – *элегантность*). Эти выводы являются уникальной составляющей исследований, нашедших отражение в указанных выше работах Н.Кульберга и В.Шкунденкова.

ПРЕЗИДЕНТ АРСИИ им.Г.Р.Державина
Доктор искусствоведения, доктор философии,
профессор

РАЕВСКИЙ Е.П.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ АРСИИ им.Г.Р.Державина
Доктор педагогики, профессор

ОРЕШКИН В.Г.

С о д е р ж а н и е

Стр.

Введение. Антропокосмическая модель Вселенной 3

**Хроника разрозненных событий
на антропокосмической нити судьбы** 5
(На пути к созданию метода динамического сжатия времени)

Энергетическое изображение параллельного мира 6

Какая-то неведомая сила 7

Хроника случайных событий 13

Красноярск, Гродно, Вильнюс, Уфа. 1941 – 1955 годы

Москва. Студенческие годы и начало работы. 1955 – 1962 годы 25

Отрывок из повести «Черное озеро» 31

Где живет дух победы на Куликовом поле 36

Страницы из Русской истории 40

Приложение

Документы из книги – Владимир Шкунденков «Лунный город» (2019 год) 43

Какая-то неведомая сила ...

(Хроника событий на пути к созданию антропокосмического метода динамического сжатия времени)

Шкунденков Владимир Николаевич

Издано в авторской редакции.

Рисунки художника Петра Савельевича Гусева
(город Кимры Тверской области)

Данная книга является дополнением к книге –
Владимир Шкунденков «Лунный город» (М.: 2019. – 290 с.),
представленной на сайте –

<http://sbnt.jinr.ru/iris/> – в разделе «Новые книги».

Главный материал в книге «Лунный город» представлен на страницах 21–24 в виде статьи –
Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Владимир Шкунденков
«Иррациональное управление сжатием времени»
(Эксперимент в ЦЕРН, Женева, с диалогом русской культуры и культур Запада)
– о создании в ЦЕРНе метода Dynamical Time Compression.

На странице 29 книги «Лунный город» представлен меморандум о внедрении
В.Н.Шкунденковым в ЦЕРН (Женева) подхода по управлению сжатием времени.

На страницах 285–286 книги «Лунный город» представлен план действий,
направленных на прорыв в управлении экономикой на основе применения
метода Dynamical Time Compression.

.....
В Интернете представлен 43-минутный фильм
режиссера Василия Петровича Харьковского (2014 год) –
«Метод сжатия времени и Большой адронный коллайдер».